

УОЛТЕР МЭККИН

ВЕТЕР
СИИТ
БУРЮ

Уолтер Мэккин
Ветер сулит бурю

«Никея»

1950

УДК 82-312.2
ББК 84(4 Ир)

Мэккин У.

Ветер сулит бурю / У. Мэккин — «Никея», 1950

ISBN 978-5-907628-67-0

Уолтер Мэккин (1915–1967) — классик ирландской литературы. «Ветер сулит бурю» — самый известный роман Мэккина, автор получил за него три крупные литературные премии. Это история любви и испытания чувств, благородства и предательства. Суровая и бедная, с виду примитивная жизнь ирландских рыбаков оказывается наполненной яркими событиями и предельным смыслом. Развязка романа происходит на Рождество, и вдруг оказывается, что, как и две тысячи лет назад, все самое важное происходит в нищей лачуге, а не во дворцах или благоустроенных квартирах, а вечные ценности — любовь и вера — актуальны и в современном мире.

УДК 82-312.2

ББК 84(4 Ир)

ISBN 978-5-907628-67-0

© Мэккин У., 1950

© Никея, 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Уолтер Мэккин

Ветер сулит бурю

Роман

Walter Macken
Rain on the Wind

* * *

© Walter & Ultan Macken (наследники), 2021
© М. Миронова, перевод, 1960
© ООО ТД «Никея», 2021

Глава 1

Гусак был серый, огромный. Он страшно вытягивал шею, пригибал ее к самой траве и, разинув клюв, предостерегающе шипел. Мальчик занес пухлый кулачок, в котором крепко держал оловянную кружку, и сосредоточенно смотрел на гусака. Братишка, прячась за его спину, дергал его сзади за плечо и повторял:

– Пошли, Мико! Слышишь, пошли! Ну его...

Если не знать, что в рыбацких семьях все мальчишки лет до семи ходят в коротеньких красных юбках, то со стороны их можно было принять за двух маленьких девочек. Оба были светлые и кудрявые. На обоих поверх развевающихся юбочек были надеты фуфайки. Босые ножки прочно – не сдвинешь – стояли на низенькой зеленой-зеленой траве, сплошь усеянной гусиным пометом.

Высоко над ними сияло солнце. Ярким светом озаряло оно тихие воды залива, лежавшего в стороне, траву у них под ногами, ослепительно отсвечивало от стен белых, крытых соломой домиков. На некоторых домиках красовались коричневые рыболовные сети, развешанные на деревянных колышках. Пейзаж был великолепный и вполне мирный... если бы не гусак.

Гусак ясно дал понять, что Мико ему не нравится, и тотчас же все стадо белоснежных гусынь, всегда готовых поддержать своего гусака, выстроилось в шеренгу и зашипело, пригибая головы к земле.

– Пошли, Мико! – сказал мальчик повыше, подпрыгивая на траве и дергая братишку за упрямое плечо. – Он щипается, он вчера Паднина О’Мира ушипнул.

– Вот тебе! – И Мико, прицелившись, швырнул оловянную кружку.

Кружка попала гусаку прямо в мозжечок. Мальчик, что повыше, даже перестал дергать Мико за плечо и как зачарованный уставился на гусака. Длинная шея опустилась еще ниже, скользнула по траве и свернулась на сторону, а вслед за этим повалился на траву и сам гусак, перекатился на спину и застыл, несуразно задрав кверху перепончатые лапы.

– Ты что ж наделал? – сказал высокий мальчик. – Ты его убил. Теперь мамка тебе задаст!..

– Дохлая утка! – сказал Мико, указывая маленьким пухлым пальцем. – Дохлая утка! – и рассмеялся тоненьким, булькающим смешком, от которого так и распирало его пятилетнюю грудь.

– Ой, что нам теперь будет... – сказал его брат, испуганно озираясь по сторонам.

Ничто, однако, опасности не предвещало. Прямо перед ними за болотом виднелся ряд беленьких домиков, обращенных к морю, от которого их отделял зеленый луг. Еще дальше ряды таких же домиков взбегали вверх по склону Фэйр-Хилл, и отсюда видны были только их соломенные кровли да еще синий отсвет неба в узеньких окошках тех, что стояли повыше. Но в дверях не было ни души. На огромном зеленом просторе они были совсем одни. Вокруг стояло горячее солнечное безмолвие. Да, они были бы совсем одни, если бы не судорожно подергивающийся гусак и не притихшие гусыни. Но гусыни притихли ненадолго: организованно, как на маневрах, они пошли в наступление. Сначала все они зашипели, потом – за исключением четверых, оставшихся караулить сраженного гусака, – кинулись на мальчиков. Глаза их сверкали недобрым огнем, из клювов несло зловещее шипенье. Они были исполнены решимости.

– Пошли вон! – сказал Мико, замахиваясь на них.

Они продолжали наступать.

– Пошли вон! – повторил он и выставил вперед босую ногу.

Но гусыни все наступали. Мальчик, что повыше, перестал дергать Мико за плечо. Он попятился.

– Ой, они же нас съедят! – пролепетал он, отступая.

Мико не терял присутствия духа. Он брыкнул ногой, но гусыня, оказавшаяся ближе других, злобно ущипнула его. Мико не пикнул, хоть и было больно, и тоже попятился.

– Пошла вон! – сказал он снова, все еще не отчаиваясь, но гусыни уже заметили, что мальчик начинает сдавать, и двинулись на него с еще большей решимостью, шипя еще громче. Теперь они расправили крылья, отчего сразу же показалось, что их размеры и количество увеличились вдвое, и сплошной стеной пошли на Мико.

Мико повернулся и бросился бежать. Его маленькие толстые ножки так и замелькали над травой; гусыни погнались за ним. Теперь они уже не шипели, а торжествующе гоготали. Луг кончился, и Мико выбежал на дорогу. Там он было в отчаянии остановился, но победоносно гоготающие гусыни не прекращали преследования. Тогда он перебежал дорогу и выскочил к самой набережной, растерянно высматривая брата. Кругом никого не было, и только откуда-то снизу, из-за причала, выглядывали два перепуганных глаза. Он стоял на каменной лестнице, ведущей к воде. Мико в один миг очутился рядом с ним, и они стали смотреть, как приближаются гусыни. Потом они взглянули вниз на плескавшуюся воду. Был прилив. Море вытеснило реку из устья и лизало теперь нижние ступеньки. Гусыни надвигались. Мико хотел было спрятаться за брата, но тому пришла в голову та же мысль; он повернулся, чтобы протиснуться сзади Мико, и не успел оглянуться, как крошечная фигурка братишки полетела в воду. Он увидел, как схватило его море...

Красная юбочка на некоторое время задержала Мико на поверхности, потом он погрузился в воду.

Больше старший ждать не стал. Он разинул рот, заорал так, что даже столпившиеся наверху гусыни пришли в замешательство, и кинулся вверх по ступеням, забыв о своем страхе перед врагами. Те при его появлении поспешно разлетелись в разные стороны, совершенно потеряв чувство собственного достоинства. Добежав до луга, он помчался во весь дух к домику, стоявшему почти в центре длинного ряда одинаковых белых домиков.

Он бежал, вытянув вперед руки, и кричал:

– Мапочка, мапочка, Мико упал в море! Ой, мапочка, мапочка, Мико упал в море!

Мико снова появился на поверхности. Он подумал, что в воде было бы вовсе недурно, если бы только можно было встать на ноги, но оказалось, что опереться в воде совсем не на что. Он видел, как вздымались волны там, где река встречалась с морем между пристанью Ниммо и доками. Ему видны были домики на другом берегу реки, выходившие на улицу Лонг-Уок, такие беленькие, весело расцвеченные одеялами, простынями и полотенцами, которые вывесили в верхних окнах для просушки. И еще он видел на дальнем берегу реки гниющие на солнце остовы больших парусных кораблей, совершенно побелевшие от помета чаек. Вода вокруг него была зеленая и мягкая, а внизу под ним поблескивало солнце, отражаясь в ржавых консервных банках и в старых ночных горшках, в погнутых велосипедных колесах и в прочем хламе, сваливаемом сюда жителями всего поселка.

Потом Мико снова начал погружаться и подумал, что будет очень неприятно хлебнуть этой мерзкой воды.

И ничего подобного! Голова его так под воду и не попала, потому что кто-то высунулся рядом с ним из лодки и, протянув длинный багор с крюком на конце, подцепил Мико снизу и задержал его на поверхности. Теперь Мико оказался верхом на крюке. Он обхватил ручонками гладкое дерево, взгляд его скользнул вверх и уперся в коричневые скрюченные пальцы, державшие багор, потом поднялся выше до синих рукавов фуфайки и, наконец, добрался до устремленных на него спокойных голубых с искринкой смеха глаз.

– Держись, Мико! – сказал старик.

По глубоко запавшим голубым глазам, выглядывавшим из-под черной широкополой шляпы, Мико узнал своего деда и, как всегда, когда тот бывал поблизости, почувствовал, что теперь уж все будет в порядке.

– Деда, – сказал он тогда сквозь смех, – а я гусака пришиб.

– Бог мой! – ответил дед. – Ну и бесово же ты отродье, Мико! Теперь твоя мамка тебя насмерть забьет.

Мысль о матери отрезвила Мико.

«Понаделал делов...» – думал про себя дед.

– А ну, держись крепко, Мико, я тебя сейчас на лодку втащу.

Мико так вцепился ручонками в багор, что суставы побелели. Мокрые светлые кудряшки прилипли к голове, подчеркнув еще больше все безобразие родимого пятна, почти полностью закрывавшего одну сторону его лица. Ужасное это было пятно. Оно начиналось ото лба, задевало часть левого века, распространялось на всю половину лица и плоским темно-лиловым пальцем уходило за ворот фуфайки. При виде этого пятна деду всегда становилось грустно.

Перст Божий, так обычно говорили про пятно. Это в тех случаях, когда не говорили чего-нибудь похуже.

Он медленно подтащил его к круто вздымавшемуся борту черного баркаса, на котором свежий вар отсвечивал зеленым, отражая освещенную солнцем воду. Вода тихонько ударяла об лодку. Высокая мачта с просмоленными снастями покачнулась, когда он, нагнувшись, подхватил ребенка за подол юбки и достал из воды. Он держал его на вытянутых руках и смеялся, а с того ручьями лилась вода.

– Спусти меня, деда, спусти меня! – сказал Мико.

Дед втащил его в лодку и поставил рядом с собой, а с Мико так и бежала вода, прямо на гладкие плитки известняка, которыми было выложено для балласта дно баркаса.

– Ну, – сказал он, – скидывай-ка мокрую одежонку. – И ловким движением стащил с него фуфайку, а потом снял через голову юбку на белом холщовом лифчике, и Мико так и остался – крепкий, маленький человечек с еще не совсем разгладившимися младенческими складками над коленками и с уже начинающим выравниваться животом.

Ножонки у него загорели чуть повыше колен, а руки, шея и все остальное были белые, как внутренняя сторона яичной скорлупки.

– Попрыгай-ка тут, – сказал дед, – а я пока поищу, чем бы тебя вытереть.

Он вскарабкался на нос лодки, лег плашмя, заглянул в люк и достал оттуда какую-то тряпку.

– Не слишком-то чистая, – сказал дед, осматривая ее. – А что нам, верно, Мико? – И он подошел к мальчику, сел перед ним на корточки и начал растирать его. На тряпке было только несколько пятен дегтя, так что действительно это никому повредить не могло.

Мико прикрывал ручонками грудь.

– Не щекоти меня, – едва выговорил он сквозь смешок.

– Вот еще беда какая, – сказал старик. – А ну-ка, поворачивайся, подставляй спину. – И он повернул его и заработал тряпкой. – А теперь айда наверх, посушись на солнышке. Будь у нас здесь бельевая веревка, мы бы тебя живо развесили, как пару штанов. – Он поднял его на палубу, а потом собрал мокрое платье и сильными руками выжал досуха через борт.

– Деда, а ты когда-нибудь был маленьким? – спросил Мико.

– А как же? – возмутился дед.

– Совсем как я? – спросил Мико.

– Точь-в-точь как ты, – сказал дед.

– А почему тогда у меня нет бороды, деда, как у тебя? – не унимался Мико.

– Да потому, – ответил дед, глубокомысленно покачивая головой, – что она выдается только старым рыбакам, вроде меня.

– А если я стану рыбаком, у меня тоже будет такая? – спросил Мико.

– Уж в чем, в чем, а в этом можешь не сомневаться, – сказал дед.

– Тогда я буду рыбаком, – сказал Мико убежденно и потянулся к лежавшему рядом ярусу, и тут же острый крючок вонзился ему в палец. Он завопил.

– Бог мой, Мико! – сказал дед. – Вечно с тобой какая-нибудь беда стряется. Прямо бес какой-то в тебе сидит, – и со страдальческим видом пошел к нему на помощь.

– Я только хотел посмотреть, какой он острый, – сказал Мико.

– Не шевелись ты, сатана, – сказал дед, – а то загонишь в палец так, что потом не вытащишь. – Он осторожно приподнял ярус, распустил немного коричневую леску и стал рассматривать палец. Оказалось, что крючок не успел войти глубоко. – Теперь сиди смирно, слышишь ты? Я его вытащу, только смотри не дергайся.

– А Бидди Би меня убьет, а, деда, за то, что я ее гуся пришиб? – спросил Мико.

И тут над ними разразилась буря.

Испуганно загоготали гуси. Прямо над их головами раздался топот ног и крикливые женские голоса, и голос брата Мико, повышенный немного истерически, немного притворно, и к нему примешивались другие детские голоса, и когда Мико с дедом подняли головы, то увидели целое море лиц, смотревших на них сверху. «Странно, – подумал дед, глядя на вытянутые тела, – какими люди кажутся большими, если смотреть на них снизу, и какие у них тогда чудные лица».

Он без большого труда различил лицо своей невестки. Волосы у нее были каштановые, зачесанные назад от узкого лица и собранные на затылке в узел. «Узкое лицо и вдруг ни с того ни с сего квадратный подбородок», – подумал он. Нос орлиный, брови прямые. Она была высокая и держалась прямо. На голове у нее не проглядывало ни одного седого волоска, и ни вылинявшая коричневая блуза, заткнутая в грубую красную юбку, ни парусиновый передник, надетый поверх всего этого, не могли скрыть ее стройной фигуры. «Еще успеет поседеть», – подумал дед.

– Так вот ты где! – сказала она, и дед подумал, что голос у нее пренеприятный. Она давно утратила легкую картавость, свойственную мягкому коннемарскому¹ говору.

– Да вот он, целехонек, – сказал дед. – Я увидел, как он свалился, и вытащил его.

– Могли бы покричать, – сказала она. – Могли бы покричать, тогда бы мы хоть знали, что он цел. А я-то бежала высунув язык и все боялась, что прибегу, а он уж утоп. А Томми-то! Томми-то как перепугался! У него прямо сердечко вот-вот выскочит. Вы посмотрите, он прямо как смерть бледный, – проговорила она, прижимая к своему переднику рукой, испорченной бесконечной стиркой, шмыгавшего носом сынишку.

– Еще бы не напугался, когда он сам его и спихнул.

– Не-е, мама, это не я, – заверещал Томми, – я его не пихал. Он стукнул гусака, и гуси за нами погнались, и мы вместе побежали по лестнице, а Мико поскользнулся на этом, как его... ну, на зеленом, и свалился вниз.

– Правда, – сказал стоявший с ним рядом мальчишка, – мы с Туаки видели, как за ними гуси гнались. Ой-е, и здорово же они их!

– Ну ладно, выходи-ка, – сказала мать Мико голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – Я тебе покажу!

– А мой гусак? – раздался сзади них скрипучий голос.

Опираясь о кривую палку, вся согнувшись, женщина проталкивалась вперед. Заметно было, как столпившиеся ребяташки почтительно расступились перед ней, потому что кто же не знал, что она ведьма? У нее был нос крючком. Красный платок она завязывала под подбородком.

¹ *Коннемара* – географическая область в графстве Голуэй на западе Ирландии (провинция Коннахт). В основном торфяные болота, озера и невысокие горы. Важнейший город – Клифден. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

– А мой гусак? – повторила она. – Одна была у меня, у несчастной вдовы, опора, так и то не пожалели. И лежит он теперь, протянув ноженьки, как покойничек, и что же будут делать мои бедные гусыни без своего жоака, коли он околеет? А я-то как проживу без своих гусей, и где мне достать другого гусака? Ах ты, бесово отродье, ах ты, поганец, вот погоди, доберусь я до тебя, перетяну тебя как следует палкой по заднице, и никакая мамка тебя не спасет!

– Ну ладно, вылазь, Мико, хватит этого, – сказала мать.

Мико стоял и поглядывал на них исподлобья, заложив руки за спину. Лоб у него был низкий, брови, уже темные и густые, резко вырисовывались над глазами. Карие это были глаза, только сейчас от растерянности он опустил их, так что не видно было, какие они милые. Волосянки начали просыхать и поднялись пушистым ореолом. Родимое пятно резко выделялось на белой коже.

– Я только стукнул гусака, потому что он хотел щипаться, – сказал Мико.

– Эй, Бидди Би, Бидди Би! – загалдели ребятишки. – Смотри, гусак-то очухался!

Это отвлекло всеобщее внимание от баркаса. Все головы повернулись в сторону луга.

– Ох, слава тебе Господи, и впрямь ведь! – сказала Бидди Би, поднимая руку, в которой держала палку. – Поднялся-таки мой гусак. Только ты не думай, я про тебя не забыла, – повернулась она снова к Мико, – ты, малолетний убийца! Да чего от тебя ожидать-то? Что из тебя могло хорошего получиться? Кто твои родители? Мать твоя – какая-то пришлая девка из Коннемары, а отец? Подумаешь тоже, житель Кладдаха² выискался. Да давно ли его дед сюда приехал?

– А ну, заткни свой поганный рот! – сказала мать Мико воинственно.

– И не подумаю! – взвизгнула Бидди Би. – И держитесь-ка вы лучше подальше от меня и от моего имущества, слышите? А то прокляну я вас всех своим вдовьим проклятьем. И если это ваше отродье еще подойдет к моим гусям ближе чем на сто метров, я из него кишки выпущу. Помяните мое слово. – И с последними словами она удалилась.

Лицо матери Мико покраснело от подавленного гнева. Она нагнулась и в сердцах оттрепала за ухо какого-то сопливого мальчишку.

– Подслушиваешь? А ну, пошли вон! – рассердилась она. – Всюду вам обязательно нос свой совать, прямо шагу из дому ступить нельзя. Все-то вам надо поглядеть, все подслушать, а потом докладывать. Пошли вон, пока у меня терпенье не лопнуло!

И ребятишки стремительно отступили, а пострадавший взвизгнул, как недорезанный поросенок, и, взметнув подолом красной юбки, опрометью помчался к своему дому, оглашая окрестности душераздирающими воплями.

– Вылазь сейчас же, Мико! – Она опять нагнулась к нему.

– Ступай, Делия, – сказал дед спокойным голосом. – Сейчас я его сам приведу. Говорю тебе, никакого вреда ему не приключилось. Я его вытер, а сейчас он еще на солнышке прогреется, и я его приведу.

Он спокойно взглянул вверх на злое, встревоженное лицо. В глазах у него светилась решимость: при случае дед мог быть очень тверд.

– Только это его не спасет! – бросила она, уходя. – Я его проучу, как нас позорить и пугать брата до полусмерти.

И вот она ушла, и все они ушли, и снова на берегу воцарился мир.

– Она меня будет бить, деда? – нарушил тишину Мико.

– Кто знает, Мико, – сказал дед. – Может, мы еще как-нибудь и отбредаемся. Пока что дадим ей время поостыть немного. – И он подмигнул ребенку ярким голубым глазом.

Мико широко улыбнулся ему в ответ.

² Кладдах – одна из старейших рыбацких деревень Ирландии, сейчас является западным пригородом города Голуэй в графстве Голуэй. Первые упоминания о Кладдахе относятся к временам принятия христианства в V в.

«Какая жалость, что пятно его так портит. Если бы не это, он тоже был бы парень хоть куда. И глаза-то у него карие, хорошие, и скуластому лицу материнский подбородок идет куда больше, чем ей самой. Нос, правда, слегка подгулял». Дед находил, что нос у Мико в общем похож на отцовский – тоже большой, только на нем будто кто-то посидел. Но потом решил, что такому большому лицу, как у Мико, пожалуй, как раз подходит приплюснутый нос. «В отца будет, рослый», – решил он. «Хорошо, что глаза у него спокойные, – еще подумал он. – Потому что ему понадобится большой запас спокойствия к тому времени, как он начнет смотреться в зеркало. Да уж, неисповедимы пути Господни, – размышлял он, сворачивая у кормы баркаса толстый просмоленный канат. – Чего он только с людьми не делает! И зачем ему понадобилось посадить такое страшное пятно на лицо ребенка?»

Горячие доски жгли голое тело, и Мико ерзал в радостном исступлении. До чего же хорошо было сидеть вот так, в чем мать родила, и ощущать всем своим существом солнышко! А оно ослепительно сверкало, отражаясь в волнах прилива, тихонько покачивавших баркас. Мико считал, что это чудесный баркас. Он много раз видел, как тот возвращается после рыбной ловли, и никогда не спутал бы его ни с какой другой лодкой. Он как будто был частицей дома, перенесенной сюда, к причалу. Нос его, внушительный, крепкий, переходил в налитую черную грудь, потом в широкие борта, и, наконец, все заканчивалось плоской кормой. «Совсем как ладьи викингов³ в старину, – сказал ему как-то дед. – Так вот они их и строили, только те подлиннее были. И в Кладдахе жили тоже викинги. Много тысяч лет назад пришли они сюда с холодного севера из-за далеких черных морей. И поселились они здесь, когда этого вонючего городишка еще и в помине не было». Говоря это, дед пренебрежительно указывал через плечо большим пальцем в сторону Голуэя⁴, расположенного по ту сторону реки. «Мы пришли сюда первые, – говорил всегда он. – Кладдах – самый старый город в Ирландии, и построили его мы, а потом объявились Бог знает откуда эти выскочки и устроились на другом берегу реки, прямо напротив нас, и с чего-то вдруг начали смотреть на нас сверху вниз. Тоже еще воображают что-то. Да любой из нас стоит пятнадцати таких».

Дед все еще был крепок, хоть и было ему уже за пятьдесят. Не слишком высокий, ладно скроенный, он был прям, как темная мачта, что возвышалась над баркасом. Синяя фуфайка сидела на нем как литая, и под грубой материей черных штанов проступали крепкие мускулы ног. Что выдавало его годы, так это руки. Хоть и сильные они были, но уж больно жилистые. Борода его старила, потому что была она совсем седая, и к тому же он сам подстригал ее ножницами, так что напоминал моряка, изображенного на обертке сигарет «Плэйере», или, вернее, того моряка в старости. Лицо у него было почти черное, до того оно загорело и обветрилось, а от уголков глаз расходилось множество мелких морщинок, оттого что ему вечно приходилось щуриться, глядя на ослепительно сверкающее море. Он был смирный и добрый, и если кому случалось попасть в беду, то более подходящего человека, чем дед, с кем бы поделиться горем, во всем Кладдахе было не сыскать. Житейская мудрость, накопленная за сорок лет, проведенных на море, светилась у него в глазах.

Отец Мико, Микиль, был в него.

«Микиль Мор – да это же большая рохля! – говорили про него. – Микиль Мор – вот уж действительно большой, да дурной». Но говорили это любя и даже частенько прямо ему в лицо. Собственно, он был так велик, что прямо в лицо говорить ему не могли – для этого приходилось задирать вверх голову. Он был самый рослый человек на весь Коннот, вот что. Не во всякую дверь мог войти не согнувшись Большой Микиль. Так что можете себе представить, каких он был размеров. И смех у него был соответственный. Летним вечером, спокойным и тихим,

³ *Викинги* – раннесредневековые скандинавские мореходы в VIII–XI вв., жившие на территории современных Швеции, Дании и Норвегии. Совершали морские походы протяженностью до 8000 км.

⁴ *Голуэй* – главный город в графстве Голуэй в Ирландии.

когда все звуки слышны далеко-далеко и солнце, уходя на покой в воды залива, освещает сзади темные силуэты возвращающихся домой рыбачьих лодок, люди, поджидающие их на пристани, могли всегда сказать заранее, что лодки идут, потому что смех Микиля был слышен еще за маяком.

– А мой папка скоро придет, деда? – спросил Мико. – Когда мой папка придет домой?

– Да уж пусть лучше он поторапливается, а то мы и наловить-то ничего не успеем, – сказал дед, поднимаясь на ноги и вглядываясь через парапет туда, где недалеко от моста, ведущего в город, стояла пивнушка.

– Гляди, деда, – сказал Мико, указывая пальцем в сторону устья, – гляди, гуси! Ой, какие у них шеи длиннущие!

– Это, Мико, лебеди, – сказал дед.

Лебедей было два, а сзади торопливо загребали неумелыми лапками их три безобразных отпрыска, неудачно подражавших своим исполненным достоинства родителям.

– Совсем как лодка, правда, деда? – сказал Мико.

– Верно, Мико, – сказал дед. – Совсем как лодка. Только они – белые лебеди, а лодка – старый черный лебедь.

Мико засмеялся.

– Лодка не лебедь, деда, – сказал он.

– Эх ты, темнота, да что ты понимаешь? – сказал дед и прислонился к борту; изо рта у него торчала почерневшая трубка, сделанная из кукурузного початка, в жестких пальцах он держал нож, которым старался отрезать квадратик прессованного табака. – Давным-давно, – продолжал он, – когда в Ирландии были принцы, да настоящие, а не какие-нибудь оборотистые торгоши, так вот, когда были у нас настоящие принцы и когда кто-нибудь из них помирал, его укладывали в лодку, совсем такую, как вот эта, построенную в форме лебедя, и отправляли его в море и поджигали, и знаешь, Мико, что потом было?

– Что, деда? – спросил Мико затаив дыхание.

– Все как вспыхнет! Как пойдет на дно морское! А из воды прямо к небу взлетал белый лебедь. Ей-ей! Каждый лебедь – это умерший принц. Вот потому-то нельзя лебедей трогать, Мико. Ты смотри, не вздумай когда-нибудь швырнуть в лебедя оловянной кружкой, как в гусака.

– Ей-бо, деда, – сказал Мико, – я лебедю никогда так не сделаю. Он принц, да?

– Именно, принц, – сказал дед. – Ну а те, что кладут яйца, те – принцессы. Это, пожалуй, занятие посерьезнее того, чем некоторые наши девки теперь балуют. Ты слышал когда-нибудь, Мико, как лебеди летят?

– Ага, – сказал Мико. – Они так делают: «В-жж, в-жж», вроде, ну, вроде как если крутить банку на веревке.

– Вот-вот, – сказал дед. – А когда наша лодка в море распустит парус и идет в бейдевинд⁵, ветер в снастях вот точно так же свистит: «в-жж, в-жж». И плывет она, Мико, точно лебедь.

Он поднял голову и посмотрел на мачту. Обычно скрытая фуфайкой часть шеи по сравнению с загорелым лицом казалась белой-белой.

– Ой, деда! – сказал Мико. – Ой, как мне охота! Можно мне, деда, а, дедушка! Когда мне можно с вами в море?

– Скоро, Мико. Вот погоди, подрастешь еще чуток, да не будет сон тебя смаривать, чуть только смеркаться начнет. А пока ты как следует и не почувствуешь. Нет, куда там!

– Ой, кабы мне сейчас быть большим, деда! – сказал Мико, захлебываясь. – Кабы я был большой, как дом!

⁵ *Бейдевинд* – курс парусного судна почти против ветра.

– Ну, полезай наверх, – сказал дед, смачно шлепнув его по голой заднице. – Одежку я захвачу.

Мико проворно выбрался из лодки и побежал вверх по гладким стертým ступеням, ведущим к пристани. От прямоугольника пристани, поросшего зеленой травкой, в море выдавался указательным пальцем мол. Вдоль берега одна за другой шли три такие пристани, между их выступами находили себе приют рыбацкие лодки. По мере того как бесцеремонный морской прилив поднимал воду в реке, мачты вырастали все выше и выше над краем пристани. К тому же на набережных стало заметно оживленнее. Кое-кто из рыбаков собирал темные сети, разложенные на траве для просушки. Из белых домиков то и дело появлялись черные фигурки людей с ящиками на плечах и ящиками под мышкой, и в чреве баркасов постепенно исчезали груды веревок и сетей, верши для ловли омаров, а кое-где над лодками уже вились голубые дымки угольных жаровен, которые разжигали под палубой.

Мико стоял на набережной совершенно голый и то поглядывал на лебедей, то, задрав голову, следил за полетом крупных чаек, которые с криками лениво вились над устьем, то взмывая ввысь, то ныряя. Потом к нему неторопливо подошел дед, и мальчик сунул ручонку в его мозолистую руку, и они перешли через дорогу и побрели по траве к домику, что стоял в центре длинного ряда одинаковых белых домиков, и при виде мирно пощипывавших в стороне траву гусынь и серого гусака, время от времени поднимавшего голову, чтобы оглядеться вокруг, Мико вспомнил все, что случилось с ним полчаса тому назад, и сердчишко его застучало.

«Может, она меня все-таки не будет бить, – думал он, – а если и будет, то, может, не сильно?»

Трава приминалась под босыми ногами и щекотала пальцы. Они были уже почти у самой двери дома, когда сзади раздался голос.

Они остановились и повернули головы. Со стороны дороги появилась фигура Микиля. Он обогнул домики и тяжелой, развалистой походкой шел к ним прямо по траве.

– Эгэй! – крикнул он.

Мико бросил деда и побежал к нему. Увидев приближающегося голыша, Микиль остановился и, вглядевшись, закинул назад голову и захохотал, ударяя ручищами по коленям, и Мико тоже захохотал, подбегая к нему с расставленными руками, а Микиль Мор нагнулся и сгреб его, и прижал на минутку к груди, и вдруг подкинул его высоко в воздух, так что Мико завизжал от неожиданности, а потом, когда отец подхватил его, снова засмеялся, уткнувшись в грубую шерсть рукавов.

– Ну, молодец, рассказывай, что случилось, – сказал Микиль, осматривая голое тельце, барахтавшееся у него в руках. – Я как услышал, что ты утоп, так даже полпинты⁶ портера бросил на прилавке, так и не пригубивши, а ты, оказывается, жив-живехонек.

– Я свалился, – сказал Мико, – а деда меня вытащил, а мамка ой как рассердилась, а Бидди Би говорит, она меня проклянет, потому что я ее гусака кружкой пришиб...

– О Господи, – сказал Микиль, сажая его к себе на плечо, и пошел навстречу деду. – Стоит тебя с глаз спустить, как ты сразу влезешь в какую-нибудь историю!

– Этот раз я не виноват, – сказал Мико. Он непрерывно вертелся, потому что грубая синяя шерсть отцовской куртки щекотала его. – Это все гусак. – И пухлой ручонкой он обнял отца за голову.

Голова была большая. Из-под козырька кепки выглядывало очень загорелое лицо, украшенное коротко подстриженными черными усами. На плече рядом с Мико мог бы свободно усесться и его брат, а на другом плече хватило бы места еще для двух мальчиков или для одного взрослого.

⁶ *Пинта* – стандартная мера для пива в английских заведениях, 0,568 литра.

«А мой папка больше всех на свете», – всегда мог козырнуть Мико, когда ребяташки начинали хвастать друг перед другом.

– Что ж, в конце концов, случилось, отец? – спросил Микиль деда, подходя к нему.

Он всегда звал его «отец». Он был с дедом очень почтителен. Так уж его воспитали, в почитании родителей и прародителей. Таков уж был обычай в те времена, только среди взрослых он теперь быстро исчезал. В старину так всегда было, это всем известно, пока не начали писать разные там книжки да показывать фильмы, где всем напоказ осмеивается любовь к родителям, так что просто удивляться надо, что до сих пор еще не выискался кто-нибудь, кто бы начал кампанию за то, чтобы топить всех стариков, как только они достигнут пятидесятилетнего возраста.

Но Микиль очень любил своего отца. Бывали, конечно, случаи, когда он с ним не соглашался. Когда он женился, например, дед был недоволен. Или иногда на рыбную ловлю у них бывали разные взгляды. Но он никогда ему не возражал и ни в чем не перечил. Просто без лишнего шума поступал по-своему, вот и все.

– Ну, кажется, не зря Мико тонул, – сказал дед. – По крайней мере это известие помогло вытащить тебя из пивнушки, а то рыбачить бы нам сегодня при свечах. Чего ты так запропастился-то? Ты что, не видишь, что все лодки уже вот-вот отчалият, а мы до сих пор не ели, не пили, и ничего у нас не готово, когда надо бы нам уже парус поднимать да выходить в море?

– Да ну, – сказал Микиль, ткнув сына пальцем в бок, отчего тот совсем съежился и начал давиться смехом. – Да разве в такой отличной лодке, да мы, двое молодцов, не обставим кого угодно в Кладдах, стоит нам только захотеть? А ему-то не сделалось какого вреда?

– Черта с два! – сказал дед. – Он сам таких делов наделал. Делия на него ой как зла. Обещалась прибить. Вот мы и выжидали.

– Напугалась она, вот что, – сказал Микиль. – Я и сам-то чуть было со страху не обмер. Ты бы посмотрел, как этот маленький Туаки примчался. «Эй, – кричит, – Микиль, Мико в море свалился, потому что его гусак закусал, а Бидди Би его колотит, а Микова мать Паднину О'Мира дала по соплям!» Все одним духом выпалил. Я прямо не помню, как из пивнушки-то выскочил, ей-богу. А он, оказывается, целехонек, а, Мико? – И он снял его с плеча и шлепнул по спине.

Теперь они были перед домом.

Хоть и стоял он в центре ряда совершенно одинаковых домиков, а все-таки был не совсем такой, как все. Соломенная крыша казалась чуть желтее, а белые стены чуть белее, и стекла в узеньких окошках отливали синевой. На подоконниках стояли горшки герани в цвету, розовой с красными прожилками. Микиль вошел. Мико трусил сзади, прячась за его спину.

– Привет хозяйке дома, – беспечным голосом сказал Микиль Мор, входя.

Ему пришлось сильно пригнуться в дверях, и когда он выпрямился, то оказалось, что он головой достает почти до потолка. Потолок совсем почернел от дыма открытого очага, топившегося торфом. В очаге весело горел огонь. Делия, склонившаяся над каким-то горшком, выпрямилась при их появлении и откинула назад прядь волос, упавшую на лицо.

– Ты слышал, что Мико опять натворил? – спросила она. – Слышал ты что-либо подобное? Он чем дальше, тем хуже становится.

– Он ведь нечаянно, – сказал Микиль Мор. – Ребята же постоянно падают в море. Ну в чем тут его вина? Не удержался, вот и все.

– А что в гусака кружкой бросил, тоже не его вина? – раздраженно сказала Делия. – Тут-то он мог удержаться. Опозорил нас. Думаешь, приятно было слушать, как Бидди Би нас честила на весь Кладдах?

– Ну, будет, Делия, – сказал Микиль Мор, стаскивая синюю куртку и открывая обтянутую фуфайкой грудь. – Напрасно ты так это переживаешь. Слава тебе Господи, радоваться надо, что он жив остался.

– А может, лучше было б для него да и для нас, если бы он утоп, – сказала Делия сдавленным голосом.

Все смолкли. Микиль, все еще с тужуркой в руках, смотрел на нее, и лицо у него было встревоженное и нахмуренное. Мико стоял в открытых дверях, заложив руки за спину и насупившись. Сзади него стоял дед, придерживаясь за притолоку. Даже Томми, евший в уголке у очага кусок хлеба с вареньем, перестал жевать, подавленный всеобщим молчанием.

Да, все было далеко не так просто.

«Ох, как не просто! – думала Делия. – Но, Господи, что же это я?» Она многое дала бы, чтобы вернуть свои слова. Они ровно ничего не значили, просто сболтнула сгоряча, не подумав. Она никак не могла забыть, как трудно дался ей Мико. «Неужели же из-за этого я так с ним?» Стоило ей взглянуть на него, как в памяти вспыхивала жгучая боль, которую ей пришлось перенести во время родов. Он оказался слишком велик, слишком беспокоен и неповоротлив. Он родился только через сорок восемь часов после начала схваток. Сорок восемь часов! Пот, льющий ручьями по всему телу. В кровь изгрызенные губы. Потные, скрюченные руки, хватающиеся за приделанные к кровати ремни. А как увидела она, что он меченый, так и подумала, уж не черт ли надсмеялся над ней, а то, может, Господь наказал за какие-то тайные грехи?

Ее первенец был высокий и пряменький, и носик у него был тонкий, и ручки узенькие и гибкие, и лобик большой и широкий. А какой он был сообразительный! Чего-чего он только не умел в том возрасте, когда Мико только начал понимать, что к чему. Старший был высок и строен, а меньшой какой-то коротышка. Ну разве может быть красивым приземистый крепыш? Что уж тут говорить о красоте при такой-то отметине на лице?

– Мы сейчас чайку попьем, – сказал, не повышая голоса, Микиль и повесил тужурку на кухонный шкаф.

Она отвернулась к очагу и высморкалась в подол передника.

– Пойди сюда, Мико, – сказала она, – давай-ка я тебя одену. Что это вы привели его в таком виде, папа? Что люди скажут?

– А мне наплевать, что они скажут, – ответил дед. – Подумаешь, невидаль какая – что, они сами иначе устроены, что ли?

Он сел к столу, спиной к двери. Выскобленный добела стол стоял у окна. Вокруг него были расставлены стулья, деревянные, прочные, с сиденьями, выскобленными не хуже, чем стол. Дед кинул шляпу на подоконник рядом с цветочным горшком, потянулся вилкой за картофелиной, подцепил ее и начал чистить. Посередине стола дымилось с полпуда картошки, мучнистой массой выпиравшей из лопнувшей кожуры.

Микиль Мор, вздохнув, пошел на свое место во главе стола, по другую сторону окна.

– Ну, Томми, – сказал он, – садись-ка пить чай. – Он достал вилкой картофелину и, обдирая с нее кожуру, стал рассматривать своего старшего сына.

«Мальчик хоть куда, – размышлял он. – Плечи широкие... Фу... да о чем это я? Я же люблю своего сына Томми и люблю своего сына Мико. Только своего сына Мико я люблю больше, потому что Господь его обидел. Но ведь это же понятно». Он смутно догадывался о том, как тяжело Делии пришлось, когда она рожала Мико, а с недавних пор он с беспокойством стал замечать, что Мико ей неприятен. «Мать Пресвятая Богородица, да с чего мне такое в голову лезет? Что-то очень уж у меня фантазия нынче разыгралась. Голову июньским солнцем напекло, что ли? Она испугалась, оттого что он упал в море. Известно, у женщин ведь все не как у людей: уж если они напугаются, так обязательно должны это на ком-нибудь из близких сорвать. Да куда мне, дураку, рассуждать о таких вещах, – решил он в конце концов, – ну их».

– Надо было мамке налупить тебя как следует, Мико, – сказал он, повернувшись к очагу, где Делия натягивала мальчику через голову сухую юбку. – Слышишь ты? И чтоб не смел больше впутываться во всякие истории. И в море падать не смей!

– Да, папа, – сказал Мико, вытаращив глаза.

– Смотри у меня, – сказал Микиль Мор строго, как только мог.

И вдруг – так уж странно устроена человеческая натура – Делия погладила Мико по голове, растрепала ему волосенки и сказала:

– Да разве ж он виноват? Он ведь не нарочно! Ну, иди, милый, попей чайку.

И, подойдя к очагу, нагнулась к большой тарелке, прикрытой крышкой от жестяной банки, сняла крышку и поставила перед ними тарелку вареной сайды. И тут Мико снова потерялся, да и Микиль тоже, и они оба взглянули на нее и принялись за свою картошку, а Делия подошла к столу, уселась между своими двумя сыновьями, наклонила голову и прочла молитву, а затем разложила им на тарелки дымящуюся рыбу.

– А все-таки, – сказала она, – придется его отдать в школу, и лучше всего прямо завтра. Пусть теперь учитель с ним управляется, раз нам не под силу.

– Не рановато ли ему еще в школу? – спросил с набитым ртом Микиль.

– Надо с ним что-то делать, – сказала она тоном, не допускающим возражений.

– Школа, – сказал дед с отвращением. – Тоже школа!

– Уж раз я так решила, значит, он и пойдет, и все тут. Завтра утром обряжу его в штаны, и пусть отправляется вместе с братом.

«Штаны... – размышлял Мико. – Что ж, это не так уж плохо». С недавних пор он подумывал о паре штанов: красные юбки начинали выходить из моды даже среди малышей. Теперь уже и в Кладдахе некоторые совсем не одевали мальчишек в красные юбки, а запихивали их прямо из пеленок в штаны, совсем как горожане, которые Бог знает что о себе воображают. «Штаны – это неплохо, – думал Мико, – только школа – это совсем нехорошо».

Мальчишки в Кладдахе были в большинстве своем очень здоровые, несмотря на нищенские жилищные условия, на опасный труд и неопределенные заработки их родителей, всецело зависевших от прихотей моря. А здоровые мальчишки – это, как известно, суцная чума. Во всем Кладдахе был только один человек, который мог держать их в повиновении взглядом или словом, а то и взмахом своей трости. Это был учитель. Даже маленький Мико воспитывался на легендах о нем. И сознание, что он когда-нибудь попадет к учителю в лапы, заставляло Мико останавливаться и молча наблюдать, как проходил мимо низенький человечек с короткой торчащей бородачкой, в волосатых брюках – так здесь называли пестрый коннемарский твид⁷, из которого был сшит костюм учителя. «Вот страху-то!» – подумал Мико, представив, как это он окажется с ним в одной комнате.

– Ну что ж, – сказал Микиль, – когда-нибудь все равно придется идти в школу. Время-то бежит, а? И как еще быстро. Помню, как я первый раз пошел в школу. Папаша уже был там. Такой молоденький, еще даже без усов. Вот уж не думал я тогда, что дождусь того дня, когда мой младший сын пойдет в школу. Смотри у меня, Мико, веди себя хорошо в школе. Слышишь? Лучше не хулигань, не озоруй. Там уж тебя никто не выручит.

– Хорошо, – сказал Мико.

– Эх ты, горе мое! – сказал дед. – И на кой эти школы? В наше время только и нужно было, что уметь немного считать да знать несколько букв, чтобы уметь расписаться. А что еще рыбаку надо? Будто Господь Бог Сам не преподает нам Свои науки в открытом море? У них там университет есть – школа такая большая. И знаешь что? Во всем этом самом университете нет ни одного человека, который бы знал столько, сколько я знаю, а я и не учился-то нигде. Вот то-то!

Микиль Мор захохотал.

– Все может быть, отец, – сказал он. – Только времена меняются. Может, Мико и не захочет быть рыбаком. Может, он профессором в колледже пожелает стать.

⁷ Твид – классическая ткань из овечьей шерсти, мягкая, очень теплая, может иметь небольшой ворс.

– Я хочу быть рыбаком, – сказал Мико тоненьким, не своим голосом.

Микиль с удивлением посмотрел на него. Глаза у него потеплели, потом он принялся за следующую картофелину.

– Посмотрим, Мико, посмотрим, – сказал Микиль, но он был рад словам сына и подмигнул деду.

– Ищи не ищи, а никого ты не сыщешь, – сказал дед, – кто б любил море больше, чем Мико. Ты посмотри, стоит его с глаз спустить, он сейчас к морю бежит.

– У него еще хватит времени над этим подумать, – сказала Делия. – Пей чай, Томми.

На этом разговор закончился, и они принялись есть, ничем уже больше не отвлекаясь. Оба мужчины знали, что Делия до смерти боится моря. Оно уже отняло у нее брата там, в Коннемаре. Микиль и дед до сих пор помнили, как шесть лет тому назад кормила она своего первенца: усядется, бывало, возле очага, глядя на ребенка, сует ему грудь в жадный рот и то и дело повторяет им полушутя, полусерьезно (лицо тогда у нее не было такое суровое, как теперь): «Никогда, никогда не пойдет мой малыш в море».

Они ели быстро и сосредоточенно, пока наконец дед не отодвинул стул и не взялся за шляпу.

– Если ты хочешь сегодня поймать хоть одну селедку, мистер Микиль Мор, – сказал он, – то давай-ка лучше поторапливайся, а то, пожалуй, весь твой улов можно будет в одну консервную банку засунуть.

– Ладно, отец, – сказал Микиль. – После такого денька уйти в море будет одно удовольствие.

Вскоре они уже шли по направлению к набережной.

Животы у них были набиты картошкой, рыбой и чаем, который они пили кружка за кружкой, заедая толстыми кусками чудесной горячей лепешки, приятной тяжестью ложившейся на желудок. Пеклась эта лепешка сначала на треугольнике, положенном на горячие торфяные угли, которые выгребали из очага, а потом ее клали в чугунную сковородку и накрывали сверху горшком на трех ножках, в который тоже насыпали угли, так что сверху получалась замечательная золотистая корочка, и масло таяло на ней, не успеешь намазать. Микиль шагал впереди, навьючив на себя с полтонны всякого снаряжения. Отвечал он на вопросы встречных и сам к ним обращался громовым голосом, да и смех у него был не тише, а встречных было много, потому что теперь, с наступлением вечера, в поселке началось общее оживление.

За ним шел дед с тяжелым ящиком на плече, который он придерживал одной рукой. За другую руку держался Мико.

Он заметил, что Мико настроен серьезно.

– Деда, – сказал он наконец. – А мне в школе понравится?

– Может, да, а может, и нет, – сказал дед. – Только лучше ничего хорошего не жди. Я тебе сейчас расскажу, Мико, что с тобой будет. Запрут тебя теперь на целых десять лет в маленькую комнатку вместе с кучей других ребятишек, и сердитый дяденька с большущей палкой будет стараться вбить вам в башки науку, от которой тебе толку ни на грош не прибудет, хоть бы ты ее наизусть выучил. А ты знаешь, что сделаю, Мико?

– Что, деда? – спросил он, когда они переходили через улицу к набережной.

– Когда пойдешь завтра в школу, ты себе скажи: «Ну что ж, в тюрьму так в тюрьму. А зато, когда я отбуду свой срок, только поглядите, что меня ждет!»

– А что?

– Небо, Мико. А под небом ты сам, а под тобой лодка, а над лодкой мачта поскрипывает, а на конце лески живая рыба дергается, а ты вольный человек. И будешь ты сам себе хозяин. Только подумай, Мико! Ты в своей тюрьме старайся, чтобы поскорее вырваться, и послать ее ко всем чертям, и выйти на вольную волю. Вот так и смотри на это дело, так-то оно лучше будет.

– Я не хочу в тюрьму, деда, – сказал Мико.

– От тюрьмы, Мико, все равно не уйдешь, – сказал дед задумчиво, – так что лучше уж сразу отмучиться, тогда, может, в старости туда не попадешь.

На набережной работа кипела. Некоторые баркасы уже отчалили и, сделав широкий разворот, плыли по течению. Солнце клонилось к Аранским островам⁸, и кто-то уже прошелся розовой кистью по облакам, столпившимся на горизонте. Громоздившийся по ту сторону реки город вдруг ожил от вспыхнувших на окнах алмазов, которые швырнуло в него угасающее солнце, а холодный серый камень его зданий утратил свою суровость и похорошел. Даже в черной громаде фабрики искусственных удобрений, освещенной лучами заходящего солнца, появилась какая-то мрачная красота. В будничном оперении чаек каким-то чудом проступила экзотика тропиков, а суетливые морские ласточки превратились в расплывчатые белые пятна, нырявшие в спокойную гладь воды.

На набережной то и дело кто-то что-то кричал, ему кричали в ответ; то тут, то там слышался раскатистый смех, кругом, по-видимому, стояла неразбериха. Но только по-видимому, потому что люди, которые собирались идти в море, ходили в море с незапамятных времен, когда города по ту сторону реки даже и в помине еще не было. Наваленную горами оснастку убирала; с кнехтов⁹ снимали толстые канаты.

Мико стоял наверху и наблюдал, как его дед спускается вниз по ступеням. Видел, как тот залез в узкую кладовку на лодке, в которой хранились скоропортящиеся продукты, а потом появился опять, и пошел к корме, где были аккуратно разложены сети и свернутые канаты, и уселся там поудобнее, и, вытащив из кармана свою старенькую трубку, засунул ее в рот. А в это время отец Мико спокойно, не торопясь, отпустил узел крепкого каната, которым был подвязан парус, и, освободив его, нацепил легкий треугольный парус, а потом залез на рубку, поплевал на руки и, подмигнув Мико, начал тянуть канат, и тяжелое полотнище с мелодичным поскрипыванием поползло вверх по мачте, нехотя уступая его силе. Парус все полз и полз, пока не поднялся высоко над набережной, и тогда ветер налетел на него и раздул, и он похлопал немного, пока не натянулся как следует, и Микиль Мор закрепил его, а потом, избежав прыжками вверх по лестнице, снял канат с кнехта и стоял, сдерживая одной рукой прыгающий баркас, как будто это был резвый жеребец, а другой наскоро подхватил Мико и потерял усами об его лицо.

– Ну, прощай, Мико, – сказал он. – Завтра увидимся.

– Мне бы с вами! – сказал Мико.

– Еще успеешь, будет время, – сказал Микиль Мор.

И вот он уже спустился вниз по ступенькам и сначала закинул канат, а потом и сам прыгнул в баркас, и попутный ветер сразу же подхватил парус и погнал лодку от причала к середине реки, и дед навалился всем телом на румпель¹⁰, стараясь справиться с лодкой, и, попрыгав немного на волнах, лодка выправилась и послушно пошла по направлению к устью. Тогда он на минутку оторвался от своего дела и помахал маленькой фигурке, стоявшей на берегу, и снова занялся лодкой, управление которой требовало верного глаза и большого опыта, а посмотреть со стороны, так кажется, чего тут особенного.

Они прошли устье, и он повернул лодку, чтобы обойти маяк с южной стороны. Перед ними развернулась вся флотилия рыбацких судов, неторопливо продвигавшихся вперед по заливу, и тут Микиль обернулся, и они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись, и Микиль уселся на крышку люка и, вздохнув, стал раскуривать трубку.

⁸ *Аранские острова* (острова Аран) – группа из трех островов, расположенных на границе залива Голуэй и Атлантического океана, неподалеку от западной оконечности Ирландии.

⁹ *Кнехты* – парная тумба с общим основанием на палубе судна и на причале для крепления тросов.

¹⁰ *Румпель* – рычаг, служащий для поворачивания руля.

«Да, хорошо, – говорил этот вздох. – Хорошо оставить позади землю, и женщин, и даже детей, потому что здесь ты от всего этого отрезан. Здесь ты становишься частью чего-то огромного, тебе уже ни к чему тратить время на размышление о женщинах, и детях, и о том, почему твоя жена недолюбливает одного из твоих сыновей, и почему лицо у нее стало такое суровое, и почему с ней надо держать ухо востро, хотя и бывают еще случаи, когда она снова превращается в смуглую девчонку, которую он знал когда-то, со сверкающими зубами и бесшабашным взглядом, пылкой любовью отвечавшую на его любовь, девчонку, с которой они не могли дня друг без друга прожить, как не могут дня прожить друг без друга река и море».

Дед думал приблизительно то же самое: «До чего ж хорошо, когда снова кругом зеленая водная гладь, цвета кожуры молодого яблочка, да запах воды, что ветер принес издалека, с самого Атлантического океана».

И казалось ему, что совсем еще недавно уходил он в море, в этой самой лодке, оставляя позади, там, на набережной, крепенького, маленького паренька. А теперь этот вот здоровенный детина, что сидит тут с ним, как бы стал он хохотать, если бы дед взял да и сказал ему: «Помню время, когда я уходил в лодке, вот как сейчас, а ты был ростом с Мико и тоже стоял там, на набережной, и говорил мне: „Мне бы с тобою“, и ходил ты, как и он, в красной юбке».

– Лов нынче должен быть хороший, – сказал Микиль Мор через плечо.

– Да, – ответил дед, поднимая голову и подставляя лицо ветерку. – Да, еще бы! Только, смотри, ветер-то бурю сулит.

Глава 2

– Мик, – сказал Папаша, огрев его по голове гладко обточенной деревянной указкой, так что только гул пошел, – ты тупица.

– Да, сэр, – сказал Мико, потирая ушибленное место большой рукой.

Он сидел за длинной партой вместе с шестью другими мальчишками, впереди всего класса. Класс помещался в длинной, высокой комнате; свет попадал сюда из двух узких окон сзади, да еще из двух по бокам. Здесь пахло зеленой краской, которой были выкрашены стены, мелом и запертыми вместе мальчишками.

В классе их было человек тридцать. Но тот факт, что Мико сидел впереди, отнюдь не означал, что он был первым учеником. Папаша знал, что делает. Если, по его мнению, ученик начинал отставать или безобразничать, то немедленно попадал на первую парту, и там Папаша мог разить его словом, взглядом и вообще всем, что под руку попадется. Мико не покидал передней парты с того самого дня, как пришел в школу семь лет назад. Таким образом, руководствуясь Папашиней шкалой, вы можете ясно себе представить, что из него получилось.

– Не пойму я тебя, Мико, – сказал Папаша. – И как это Господь мог создать в одной семье двух разных детей, таких, как ты и твой брат Томас? Материала Он на тебя, видно, не пожалел: и высок ты, и плечист, только вот про мозги-то Он забыл. Так, что ли?

– Может, и так, сэр, – хладнокровно отозвался Мико.

Папаша смотрел на него, поджав губы. Два карих глаза спокойно встретили его взгляд. Не было в них ничего наглого или вызывающего (а то получил бы он уже давно по уху). Просто честный взгляд честных глаз. Папаша вздохнул. Он был невелик ростом. Стоя во весь рост перед сидящим мальчиком, он был выше его всего на каких-нибудь один-два вершка.

– Сколько в тебе росту, Мико? – спросил он.

– Не знаю, сэр, – ответил Мико, вздохнув, и положил руки на стол. Они у него были широченные и на удивление чистые. Короткие сильные пальцы, в которых он вертел огрызок карандаша, сейчас вспотели. Волосы больше уже не вились, как прежде, и одна прямая прядь вечно свисала на глаза. Волосы стали темными, с рыжеватым отливом. Очень густые, очень жесткие. Папаша протянул вперед тонкую руку и вцепился в них.

– Ты по крайней мере пробовал выучить стихи, Мико? – спросил он.

– Ей-богу, учил, – сказал Мико, – брата вот спросите.

При этом чистосердечном признании класс захохотал и тут же стих под свирепым взором Папаши.

Собственно говоря, видно Папашиных глаз не было, виден был только их пронзительный блеск, потому что брови у него были ужас какие густые, да он их к тому же еще расчесывал, так что они свисали над глазами, как козырьки, почти закрывая их.

– Ты очень старался выучить стихи, Мико? – спросил он, выпустив волосы и хлопнув указкой по коленям, торчавшим из-под стола.

– Так старался, что дальше уж некуда, – ответил Мико.

– Так ли это, Томас? – спросил Папаша, устремив глаза в конец класса. Он поймал на себе взгляд Томми.

Томми встал. Он был высок, но тонок и строен. Волосы у него так и остались светлыми и вьющимися. «Красивый парень», – подумал Папаша, глядя на него. Нос у Томми был точеный, скулы широкие, а брови тонкие, взлетающие к вискам. Лоб широкий, волосы зачесаны назад.

– Стараться-то он старался, сэр, – сказал Томас, – только вы знаете, какой Мико.

– Нет, не знаю, – сказал Папаша, раздраженный этим ответом, потому что в душе он любил Мико. – Расскажи-ка мне о нем.

Он сделал несколько шагов, подбоченившись одной рукой и размахивая указкой. Как только Папаша отошел от него, Мико облегченно вздохнул и даже перестал потеть.

Томми моментально сообразил, что его ответ пришелся не по вкусу, и поспешно улыбнулся. Зубы у него были превосходные: белые, ровные, один к одному.

– Да просто он плохо запоминает, сэр, – сказал Томми.

– Понятно, – сказал Папаша и снова повернул назад, поймав Мико на полувздохе.

– Начни сначала, Мико, – сказал он. – Сколько знаешь. Ну, мы слушаем.

«О Боже!» – простонал про себя Мико, поднимаясь на ноги и с трудом протискиваясь между столом и скамейкой, потому что парты вовсе не были рассчитаны на его рост. Наконец он встал, повернув к Папаше лицо изуродованной стороной. Увы, пятно росло вместе с лицом. Если смотреть на него с этой стороны, то казалось, что у него все лицо багрового цвета. К тому же с годами на нем начали образовываться какие-то пупыри. Вид был неважный, что и говорить. Папаше стало неприятно. Он терял душевное спокойствие при виде нарушения установленных природой норм, поэтому он всегда норовил подойти к Мико с другой стороны. Если смотреть на него с этой стороны, то он был совсем недурен собой: ниспадающий на загорелое лицо чуб, густые черные брови, низкий лоб, широкий нос над прямым ртом и большой упрямый подбородок. Да, он был скорее красив, только это была чисто мужская красота. Так может быть красив простой прочный баркас.

– Как счастлив тот, – забубнил Мико, наморщив лоб, – чьи помыслы и нужды определяются родной земли клочком ему мечты о недоступном чужды как дышится легко ему в краю родном свои поля его накормят и напоят свои стада овец одеждою снабдят свои... свои... Вот тут я каждый раз сбиваюсь, сэр, – в отчаянии пробормотал он.

– Ни смысла, ни знаков препинания. Ну ладно, предположим, до этого места ты знаешь. А теперь скажи мне, Мико, почему ты не можешь выучить остальное?

– Не знаю, сэр, – сказал Мико.

– Свои деревья, – сказал Папаша, – летом от жары укроют и осенью плодами одарят. Ты любишь деревья, Мико?

– Чего? – спросил Мико, разинув рот.

– Ты любишь деревья, я тебя спрашиваю. Надеюсь, ты не глух в придачу к своей глупости? (Подобострастное хихиканье со стороны класса.) Молчать! – загремел Папаша.

– Деревья, – сказал Мико. – Что ж, это, я думаю, неплохо.

– Ты думаешь! – сказал Папаша. – Не кажется ли тебе странным, Мико, что ты, например, знаешь одно стихотворение, которое называется «Гибель Гесперуса», и еще одно, под названием «Розабель»? Это единственные два стихотворения, которые ты умудрился выучить на протяжении семи лет. Разве это не удивительно, Мико?

– Так они же легкие, сэр, – сказал Мико. – Они же про море.

– Про море! – сказал Папаша. – Неужели ты так и собираешься всю жизнь прозябать неучем? Разве ты не хотел бы получить стипендию, как твой брат, и учиться дальше? На будущий год он пойдет в среднюю школу, и перед ним широко раскроются двери науки. А куда ты пойдешь?

– Сэр, – сказал Мико, – я пойду в море вместе с отцом и дедом.

– Но, Мико, – возразил Папаша, – неужели у тебя нет ни малейшего желания подняться в жизни на более высокую ступень? Неужели ты так и останешься рыбаком?

– А разве есть что выше? – спросил Мико.

«Он это совершенно серьезно», – решил Папаша в недоумении и с отвращением подумал о ящиках с ровными рядами рыбы и о горах чешуи, которой была вечно засыпана набережная, и, взглянув на свои руки, представил, что они перепачканы кровью от рыбьих внутренностей.

Мико любил Папашу. Он знал, что это чуть ли не преступление здесь, где поколение за поколением ученики воспитывались в страхе и трепете, чтобы потом всю жизнь хвастаться,

как Папаша расправлялся с ними, и повторять его ядовитые каламбуры и ехидные замечания, и вспоминать припадки ярости, которые на него иногда накатывали.

Томми придерживался иного мнения.

Томми был очень способный мальчик. Теперь уже все в Кладдахе знали это, а если кто и не знал, то недолго оставался в неведении, поскольку мать Томми вечно всем рассказывала о его достижениях: «А наш-то Томми впереди всего класса! Знаете, Томми-то наш стипендию получил; пойдет теперь в среднюю школу. Сорок фунтов в год. Шутка ли? Он еще кончит профессором, помяните мое слово».

Он очень быстро соображал. С самого первого дня, как он пошел в школу, у него на все был готовый ответ. Он был очень развитой мальчик, и теперь, взглянув на Папашу с высоты своих вновь приобретенных познаний, что же он увидел? Он увидел позера. О да, неглупого, надо отдать ему справедливость, но тем не менее мелкого человека с ограниченными знаниями, а то чего бы ему сидеть в маленькой школе в небольшом городишке, в беднейшем районе Западной Ирландии?

Папаше часто хотелось взять да излупить Томми до бесчувствия в надежде, что это низведет его до уровня простых смертных. Но не мог он этого сделать. Он был честным человеком и вынужден был признавать, что Томми очень способный ученик. Стоило ему однажды что-то объяснить, и на этом дело кончалось раз и навсегда. Он был всегда прав, и поведение его всегда было безупречным, хотя проницательный Папаша подмечал иногда, что за его улыбкой кроется пренебрежительная усмешка. «Бог мой, – негодовал в душе Папаша, – надо же, ведь этот пащенок смотрит на меня сверху вниз. На меня! А что будешь делать?»

Так что теперь, когда Томми, завоевав первое место среди школьников в целом графстве и получив стипендию, уходил у него из рук, Папаше странным образом казалось, что Томми – его первая серьезная неудача. И почему бы?

Папаша вздохнул.

– Ладно, Мико, – сказал он, – садись. – И легонько похлопал его по широкому плечу.

Он всегда старался отговорить своих учеников, если они собирались идти в рыбаки. Не то чтобы это часто достигало цели. В большинстве случаев нужда заставляла их браться за ремесло отцов, но что касается Мико, то тут было нечто другое. Папаша знал, что такое быть рыбаком: беспробудная нужда, тяжелый труд из года в год, труд, на который не обрекают даже каторжников. По мере сил старался он выволить их из этой кабалы, но не слишком часто это ему удавалось.

– Ладно, ладно, – сказал он. – А теперь послушаем-ка мистера Туаки. Пусть он нам прочитает стихотворение, со своим классическим голуэйским произношением. И если только ты посмеешь хоть раз сказать «з» вместо «из», – продолжал он грозно, – так ты у меня получишь.

Туаки встал, облизнул губы и начал:

– Как счастлив тот...

Утро протекало монотонно, время от времени раздавался грозный окрик, звонил звонок, возвещавший о переменах, иногда кому-нибудь больно попадало указкой. День уже подходил к концу, когда в окне класса появилась чья-то мордочка. Ее обладатель умудрился забраться сюда по наружной стене при содействии своих младших приятелей. Он прижал потное, разгоряченное лицо к стеклу и заорал:

– Эй, ребята, ребята, макрель пошла! Макрель пошла! – Метнул испуганный взгляд в сторону возмущенного Папаши и исчез.

Кажется, разорвавшаяся бомба не произвела бы большего эффекта. Если бы не Папаша, они давно загалдели бы, но даже он не смог потушить блеск их глаз, не смог подавить напряженного нетерпения, охватившего их. Потому что ведь не каждый месяц, не каждый год идет макрель. Обычно она только появляется в заливе, и кружит здесь, и попадается рыбакам в сети или на длинные удочки. Но тут было другое: пошли косяки!

Эта весть прозвучала, как набат, а тут Папаша говорит себе и говорит, будто ничего из ряда вон выходящего не произошло.

– На завтра, – говорил он, – вы решите следующие примеры. Ну, все готовы? Карандаши отточены? Тетради в порядке? Открыты на чистой странице?

«О черт, – страдал Мико, – а еще чего? Неужели он никогда не кончит, черт бы его взял? Еще месяц, и я со всем этим навсегда распрощаюсь, слава Тебе, Господи. И с примерами, и с ирландским, и с английским, и с катехизисом».

Но в конце концов Папаше все-таки пришлось сказать:

– Урок окончен, можете расходиться.

Для своего роста сын Микиля, Мико, мог бегать очень быстро, и, можете не сомневаться, сейчас он бежал быстро. При его размерах ему легко было растолкать всех и первым выскочить на улицу, и он первым побежал к лодкам. Он был босиком, как и все остальные, и коричневые от солнца широкие ступни несли его не за страх, а за совесть. Он пробежал мимо церкви, в один миг пересек улицу и помчался дальше, не останавливаясь, пока внизу не показался отцовский баркас. Он прыгнул в него прямо с причала, пренебрегая лестницей, и опустился, как птица, на палубу, к крайнему удивлению деда, возившегося у кормы.

– Гонятся за тобой, что ли, прости Господи? – спросил он.

– Деда, макрель пошла! – выкрикнул Мико, чуть не задохнувшись.

Дед возвел глаза к небу.

– Господи Боже наш, – сказал он. – Слышали вы что-нибудь подобное? Чтобы мой молодец Мико летел ко мне сломя голову с новостью, которую я мог сообщить ему еще три недели тому назад?

– Дай нам пару лесок, деда, а? – умолял Мико. – Ей-ей, с ними ничего не случится. Я их тебе обратно принесу.

– А куда ты собираешься идти? – спросил дед.

– К докам. Там лучше. Мальки там скапливаются, и она идет за ними. Ну, скорее, деда, а то я последний туда приду.

– Слушай, Мико, – сказал дед, – выучись ты когда-нибудь терпению? Думаешь, ты скорее наловишь, если помчишься как оглашенный за этой паршивой рыбешкой, которой мне, кстати сказать, и даром не надо, разве только если она выпотрошена да зажарена живьем. Да не пори ты горячку! Ну! Знаешь, тише едешь, дальше будешь.

Мико глубоко вздохнул, перестал суетиться, даже присел. Потом улыбнулся.

– Ладно, деда, – сказал он. – Я уже терпеливый.

И действительно, можно было подумать, что так оно и есть, хотя каждая жилочка в нем трепетала от нетерпения.

– Вот так-то оно лучше, – сказал дед, нагибаясь к ящику и вытаскивая оттуда намотанную на деревянную катушку леску с тяжелым свинцовым грузом, прикрепленным над крючком. – Эта тебе не понадобится. Тяжеловата будет. Собственно, для макрели, когда она так валит, катушки ниток да старого гвоздя хватит. – И он принялся отвязывать грузило от лески. Медленно. Тщательно.

Мико хотелось нагнуться и выхватить леску у него из рук, но он сдержался и только кусал костяшки пальцев белыми зубами. Мелкие у него были зубы по такому большому лицу, и росли они немного внутрь. «Совсем как у шуки, – сказал как-то дед, – так вот у шуки устроены зубы – если укусит, то уж не выпустит».

– А как ты сегодня в школе? – спросил дед, методично разбирая пальцами лески.

– Плохо, – сказал Мико. – Я, деда, ужасный идиот. Я, видно, глуп как пробка. Отчего это Бог отдал все мозги брату, деда? Мог бы и мне немного оставить, хоть бы для того, чтобы Папаша поменьше таскал меня за волосы.

– Не горюй, Мико, – сказал дед. – Тебе же лучше, что ты не больно силен в школе. Зато уж если ты что выучишь на горьком опыте, так вовек не забудешь. Да вдобавок к концу школы ты будешь так мало знать, что у тебя в голове останется сколько угодно места для вещей поважнее, которые тебе понадобятся.

– Кабы ты прав был, деда!

– А разве я когда бываю не прав? – спросил дед. – На вот, это будет в самый раз, – сказал он, передавая ему удилище.

– А мне нельзя тоже? – послышался сверху голос Томми. Он стоял и смотрел с улыбкой на деда.

Дед нехотя поднял глаза.

– Неужели, – сказал дед, – ты хочешь портить ручки ловлей макрели?

– А что? – сказал Томми. – Это же весело. Я с удовольствием половлю. Все ребята идут.

– Да ну, деда, дай ему леску. Я догляжу, чтобы с ней ничего не случилось.

– Хоть он и семи пядей во лбу, – сказал дед, – а такого может натворить с леской, так ее запутать, что потом сам черт не разберется.

– О Боже, – сказал Томми, – ведь эта ерунда стоит-то всего несколько пенсов.

Дед слегка побагровел.

– Эй, Томми, – крикнул Мико, швырнув ему наверх леску, – бери эту! Деда мне еще даст. Ну! Ты иди, я тебя догоню.

– Ладно, – сказал Томми и пошел, а потом вернулся и скинул в лодку связку учебников, перетянутую ремешком.

– Будь добр, деда, захвати их домой, когда пойдешь, хорошо? Скажи матери, что я запоздаю к чаю.

Потом ушел.

– Запоздаю к чаю! – бормотал дед. – Будь добр, захвати домой!

– Да он не хотел сказать ничего обидного, – вступился Мико примирительным тоном. – Он, наверно, о чем-то другом думал. Честно, деда, он всегда так. Ты же сам знаешь. Ну, будь ласков, дай нам еще леску, а то косяки, того и гляди, уйдут.

– И чего это я так из-за него расстраиваюсь? – сказал дед. – Он же еще ребенок, вроде тебя, если подумать. Так какого же черта я из-за него раздражаюсь, как ни из-за чего другого?

– Это ты, наверно, от жары, – сказал Мико, хоть и знал, что дело совсем не в жаре.

Просто дед никогда не мог ладить с Томми. Никогда. С самого детства Томми он вечно вмешивался в его воспитание. Делия, жена Микиля, явно портила своего первенца. Что ж тут удивительного? Кого же еще баловать, как не этого красавчика? С самого рождения он был необычайно хорош собой. К тому же он был примерным ребенком. Не успел он выучить буквы, как уселся за книги, и больше уж его нельзя было от них оторвать. И странно было видеть маленького мальчика, уткнувшегося носом в книжки в домике, где суровая действительность рыбацкой жизни заслоняла все остальное, где мужчины, утомленные тяжелым трудом, были способны только на то, чтобы завалиться в постель и спать, или есть, или мучительно подсчитывать вырубку с улова.

Все в Кладдахе знали, что сын Делии Томми – настоящий гений. Знали они и то, что сын Микиля Мико – большой балбес, и все его тем не менее очень любили, хоть и слепой треске было видно, что в голове у него нет ни крупницы мозгов, так что кончит он, бедняга, как и все мы, грешные, тем, что будет ходить на лодке в море, и пачкаться, и уставать, и жить впроголодь в плохие времена и почти впроголодь в хорошие, потому что тогда обычно сбыт превышает спрос и проклятые перекупщики делают что хотят с ценами на рыбу, и опять ты со своей работой и со своей честностью останешься ни при чем. Итак, да здравствует Томми, умный сын Делии, который при своих мозгах сможет чего-то в жизни добиться, стать чело-

веком, заработать немного деньжонок для своей незадачливой семьи, чтобы не пришлось им даже в старости, когда и сил-то больше не останется, зависеть от прихотей моря.

Поэтому дед и сам не мог понять, чем ему не угодил Томми: раздражал он его, да и только. Может, потому это было, что в нем дед видел еще одного уроженца Кладдаха, готового вот-вот удрать из родных мест. Неужели потому? Или, может, оттого, что он так любил Мико и видел, как к нему относится мать и что он в своей родной семье играет какую-то жалкую роль последней скрипки?

– Вот, – сказал дед и, отцепив от второй лески грузило, кинул ее Мико. – И убирайся с глаз моих! Что за жизнь такая пошла? Кругом только воровство, да потворство, да блуд, хоть не живи. Ох, лежал бы я лучше на дне морском, и плавали бы рыбки сквозь мои пустые глазницы.

– Спасибо, деда, – сказал Мико, взлетел вверх по ступенькам и побежал. – Я их тебе сберегу! – И помчался что есть духу в сторону деревянного моста над шлюзами, которые не давали воде в Кладдахском водохранилище смешиваться с речной и морской водой.

Он несся по мосту, останавливаясь время от времени, чтоб взглянуть вниз на воду в шлюзе, где покачивались из стороны в сторону несколько собачьих трупов, раздутых и совершенно бесформенных, и тут он услышал у себя за спиной голос Туаки.

– Мико, а Мико! – кричал Туаки, догоняя его. – Пойдем вместе. Ну же, Мико, пойдем вместе!

Мико улыбнулся и посмотрел на него сверху вниз: они были одних лет, но ростом Туаки был почти вдвое меньше Мико. Вся округа беспокоилась за Туаки, потому что он, по-видимому, совершенно не рос. Беспокоились и его родители. У него было восемь сестер и братьев, и все они были дети как дети, но даже самый маленький из них уже почти перерос Туаки. Его замученную мать (будь у вас восемь человек детей один за другим, вы бы тоже замучились) вечно останавливали на улице и расспрашивали: «А что это с Туаки? Ведь бедняга в спичечной коробке уместится! Что вы только ему есть даете?» – «Что я ему есть даю? – вопрошала она, закатывая глаза. – Да с таким аппетитом, как у него, он нас скоро всех по миру пустит! Нам приходится тарелки гвоздями прибивать, чтобы он и их не сожрал. Я уж все на свете перепробовала, от вареной трески до печенки и легких. Свиные ножки и овсянку на завтрак, рубец с луком и самую что ни на есть жирную американскую грудинку на обед. Боже милосердный, да мы его кормим, как ломовую лошадь, а он вон какой. Солитер у него, не иначе. Голодный червь в нем сидит, не иначе».

И спрашивавший отходил, покачивая головой, и мать шла своей дорогой, тоже покачивая головой, а Туаки продолжал есть, как ломовая лошадь, и хоть бы заметно было, что он вырос немного, так нет ведь.

Итак, был он маленький, и ходил он в синих штанишках, которые вообще-то были короткие, но ему тем не менее спускались ниже колен, отчего он выглядел еще меньше. Голову отец состригал ему наголо, оставляя впереди небольшую какую-то жалкую бахромку, так что со спины он похож был на каторжника, а с фасада благодаря своей челке – на какаду. У него было маленькое худенькое личико и невероятно большие глаза, синие, опущенные длинными темными ресницами. Он был очень нервный и всегда скакал с ноги на ногу, и еще была у него привычка прихватить локтями рубашку и тереть бока, как будто его терзали тысячи блох, а на самом деле был он чистенький, как морская галька. Подбородок был у него остренький.

«Как будто, – подумал Мико, – можно устоять перед умоляющим взглядом Туаки».

– Ну, конечно, Туаки, – сказал он. – Ты что, сам побежать туда не мог?

– Мог-то я мог, – сказал Туаки. – Только я запоздал, пока искал леску. Остальные все меня обогнали. Отец на меня так орал, я думал, оглохну. Черт возьми, Мико, давай-ка поднажмем, а то нам ни одной не останется. Вот черт, ты слышал, как Папаша-то меня нынче, а, Мико? – Все это он выпалил одним духом, пока они пересекали мост и, спустившись с него, направились рысцой к поросшему зеленой травкой проходу возле реки. Проход вел к большому

мосту, перекинутому через разделяющий город надвое беснующийся поток. – Слышал, как он меня? И все из-за этих стихов. Черт возьми, это жуткие стихи, а, Мико?

– Стишки так себе, – согласился Мико.

– Черт возьми, Мико, я не знаю, каким дураком надо быть, чтобы такое надумать. Ну, как этот, в стихах-то. Чтобы все так это было, ну, деревья там и все такое, и даже не хотел, чтобы его похоронили по-людски, а просто чтобы пристрелили на болоте, как старую клячу, и скинули бы в омут. Кто бы мог написать такую чепуху, Мико? – вопрошал Туаки, задыхаясь от бега.

– Не знаю, Туаки, – сказал Мико. – Только я думаю, он так помирать не собирался, а помер, наверно, на перине, и народу еще кругом толклось сколько хочешь.

Они на минутку остановились (такой у них был обычай) для того, чтобы просунуть головы через стальную решетку моста. Так им были видны заостренные гранитные быки внизу, напоминавшие по форме нос лодки, так что, если прикрыть глаза и смотреть на воду, казалось, что движется мост, а не река. Затем, насмотревшись, побежали дальше. Они свернули с моста и пробежали зацементированный четырехугольник рыбного рынка, прошмыгнули под Испанской аркой и побежали дальше, мимо домов, выходявших на Лонг-Уок, добрались до первого отверстия в доках и помчались еще быстрее. Мико заметил, что старая барка, стоявшая в этом маленьком доке, уже почти заполнена рыболовами. Когда, задохнувшись, они подбежали к ней, он перепрыгнул через борт, ловко вскарабкался по подгнившим доскам на наклонную палубу, протиснулся вперед и очутился около какого-то парня со спиннингом. Он посмотрел в воду, в которой кишели тысячи встревоженных рыбешек.

– Эй, Туаки, поддержи-ка меня за ноги! – крикнул он.

Туаки пробился вперед и, ухватив огромные босые ступни Мико, прижал их локтями к своим бокам и так стоял, крепко вцепившись в них. Мико перегнулся через борт. Был прилив, и он легко дотянулся до воды. Подождал, пока поблизости не появилась крупная стайка мальков, потом подвел снизу широкую ладонь и вытащил из воды пригоршню маленьких рыбок. В это время подошла волна, мальки поднялись, и Мико со смехом встал и подобрал с палубы штуки две извивающихся рыбешек, умело поддел их на крючки, пока они еще бились, опустил леску в воду и тут же почувствовал, как прожорливая рыба дергает леску, громко свистнул и, перебирая руками, подтянул к себе леску. Неуклюжая, полосатая, как зеленый тигр, макрель шлепнулась о прогнившие доски палубы.

Глава 3

Очень старая была эта барка. Камера дока была ярдов¹¹ в десять шириной, и старая барка занимала ее почти полностью. Она была такая старая, что даже прилив не мог сдвинуть ее с места, потому что дно у нее давно подгнило и вода, просачиваясь, наносила внутрь слой за слоем ил и гальку, и в конце концов оказалось, что разрушающийся остов стоит на месте так прочно, будто его поставили на якорь от большого океанского парохода. Трудно поверить, что когда-то это был гордый, выносливый парусный корабль. Однако, если присмотреться, можно было заметить, что обрубок огромной мачты, расщепленный и трухлявый, прямо хоть ногтями расковыривай, все еще торчит в центре его. Старый, выдавший виды корабль, ходивший некогда в далекие северные моря. Не было во всей стране залива, которого он не повидал бы. А теперь сотни мальчишек роем облепили его, распоряжались на нем как дома, топтали его палубу, кто босыми, кто обутыми ногами, разбросали повсюду приманки, потрошили быстро засыпавшую рыбу.

Надо было видеть рыбешек.

Они валом валили сюда из залива, малюсенькие, перепуганные до того, что каждый мускул трепетал в их маленьких тельцах, удивительно красивых для таких крошечных существ.

Они то шли стайками, то вытягивались длинной зеленой лентой, а под ними поминутно мелькали неуклюжие тела преследовавшей их макрели. Как начинали они тогда метаться! Как молниеносно и в то же время организованно сворачивали то туда, то сюда, точно по команде! Как дикие гуси. Выныривавшая рыба наносила им тяжелый урон, но каждый раз они снова смыкали свои ряды и снова сворачивали в сторону, и тогда начинало казаться, что по реке течет серебро. Время от времени одна-две смертельно раненные рыбешки, обессилев, всплывали на поверхность и, поколыхавшись там немного, шли ко дну, и сразу же что-то зеленое мелькало рядом и проглатывало их.

Гам стоял просто невообразимый. На самой барке и по обе стороны доков набралась тьма мальчишек. Они и стояли и сидели, болтая ногами, и стояли на коленях, и лежали, вытянувшись во всю длину. И из рук у них свешивались в воду самые разнообразные лески: коричневые лески и белые лески, лески, сделанные из ниток, и совершенно невесомые лески, и даже просто бельевые веревки.

Со всех сторон непрерывно выдергивали из воды рыбу. По меньшей мере с полчаса кипела лихорадочная деятельность, а потом мальки вырывались на свободу в открытое море, и наступало затишье.

Мико утер рукой пот с лица, перемазавшись при этом чешуей, и решил, что можно передохнуть. Его леска болталась в воде, а весь пол у ног был усыпан телами поверженных врагов.

Теперь можно было осмотреться.

Вокруг была целая туча мальчишек и невыносимо пахло рыбой, что, впрочем, никому совершенно не мешало. Он даже не представлял, что можно жить без этого запаха. Рядом с ним оказался мальчик в белой рубашке и в серых коротеньких штанишках, перехваченных синим с белыми полосками поясом. В руках у него была не леска, а тростниковый спиннинг для ловли форели. «Наверняка отцовский, – подумал Мико. – Интересно, знает ли папаша, что его сын и наследник губит снасть в морской воде?» Подумал и усмехнулся. Леска была прикреплена к катушке, показавшейся Мико очень дорогой, а сама леска была сделана из промасленной шелковой нитки, и при виде этого Мико даже свистнул и чуть было не сказал мальчику: «Господи, да разве можно губить такую леску в морской воде, ведь теперь уж она больше для форели не будет годиться», – но потом пожал плечами и решил, что это не его дело.

¹¹ Ярды – единица длины в системе английских мер. Равняется 0,91 м.

С другой стороны стоял Туаки, а в конце набережной, забравшись выше остальных, при­мо­стился Томми со своей леской. Он свесил ее в воду между ног и смотрел в сторону залива. Мико тоже посмотрел туда, за причал Ниммо, и только тут осознал, до чего же чудесный выдался сегодня день. Несмотря на жару, воздух над морем был совершенно прозрачный, а небо синее, и горы Клэра¹² почти сливались с небом, только они были, пожалуй, чуть темнее, поэтому он их и различил. Маяк белел, как крыло кружившей над морем чайки.

А потом вернулись мальки, а вслед за ними и макрель.

На этот раз раньше всех клюнуло у Туаки.

– Эй, ребята, – заверещал Туаки, – у меня кит!

Мико засмеялся, но тут же помрачнел, вспомнив, что, несмотря на все свои обещания деду, он все-таки отрезал кусок лески для Туаки. «А, ладно, – подумал он, – потом прилажу ее так, что он никогда не заметит. Черта с два, – тут же ответил он сам себе, – попробуй обмани деда!»

Потом у него тоже клюнуло, и он забыл все на свете, вытаскивая судорожно извивавшуюся макрель. Здоровенная рыбина! Он бил ее о палубу, пока она не затихла, а затем нагнулся, достал свой острый перочинный нож и отрезал кусочек мяса у самого хвоста. Все тело макрели содрогнулось в бессловесной, исступленной муке. Он нацепил треугольный кусочек на крючок.

Вдруг прямо в лицо ему ударилась чья-то рыба, она сорвалась с крючка, на котором еле держалась, и с перепугу уплыла бы без оглядки, будь у нее хоть капля мозгов, прямо в Желтое море. Освобожденный от рыбы крючок взлетел в воздух, и Мико, всегда относившийся к крючкам с почтением, замер на месте. Но мальчик в белой рубашке оказался не слишком-то бывалым рыболовом. Он потянул к себе удилище, и Мико почувствовал, как кончик крючка вонзился ему прямо в щеку.

– Не дергай теперь удилище, – сказал Мико громко, как можно спокойнее.

При звуке его голоса руки мальчика неподвижно замерли.

– О Господи! – сказал он. – Неужели засадил?

– Похоже, что да, – сказал Мико. – Теперь смотри не шелохнись, – добавил он, стараясь сохранить спокойствие. – Слышишь, не двигай руками. Не знаю, вошла зазубрина или нет. Если вошла, вот будет дело!

Он поднял руку и поймал леску, болтавшуюся у него над головой, крепко ухватил ее и потянул так, что катушка завизжала.

– Теперь опусти удилище, – скомандовал он. – Обойди вокруг, посмотри, что там делается.

Крючок попал ему в правую щеку. Он уже чувствовал, как по шее течет теплая кровь. «По крайней мере, не загрязнится», – решил он. Пока мальчик осторожно обходил его, Мико взялся за удилище.

– Дай-ка лучше мне, – сказал он, крепко ухватившись за него рукой, а потом начал пятиться, стараясь выбраться из толпы мальчишек, собравшихся у перил, которые все равно были слишком увлечены рыбной ловлей, чтобы заметить, что что-то неладно.

Мальчик подошел к Мико справа и уставился на крючок. Мико заметил, что волосы у него рыжие, а кожа белая, как это часто бывает у рыжих. Он был почти такой же высокий, как Мико. Не слишком худой, во всяком случае, кости не торчали. Брови у него были темно-рыжие и тонкие; испуганные, широко раскрытые глаза – зеленые. Лицо худенькое, зубы белые, но кривые до того, что почти все они шли крест-накрест. Уголки рта, сейчас плотно сжатого, от природы загибались кверху.

¹² Графство Клэр расположено на западе Ирландии на берегу Атлантического океана. Береговая линия сильно изрезана глубокими бухтами и заливами, скалистые склоны обрывисты и круты.

– Кажется, хорошо засел, – сказал он после внимательного осмотра, испуганно глядя на Мико.

– Сейчас посмотрим, – ответил Мико и осторожно поднес руку к крючку.

Он нащупал его основание там, где тонюсенький крючок был привязан к леске, и потом, едва притрагиваясь к нему пальцами, добрался до того места, где он вошел в щеку. Мальчик смотрел на него и думал, что при всей их величине пальцы у Мико удивительно легкие. На том месте, где крючок закруглялся, Мико напряг пальцы и чуть нажал, нащупывая зазубрину. Наконец кончиком пальца он нашел ее.

– Кажется, не очень глубоко, – сказал он и дернул изо всех сил.

Сморщился. На кончике крючка оказался сгусток крови и крошечный кусочек мяса. Ему показалось забавным, что на длинной верхней губе мальчика выступили капельки пота.

– Вот и все, – сказал он. – Вытащил!

– Ух! – медленно выдохнул мальчик. – А я уж думал, что он засел тебе прямо в скулу. Вот, – он пошарил у себя в кармане, – возьми платок. Боюсь, что не слишком чистый, – сказал он, – да ты бери, это грязь безвредная!

– Ничего, – сказал Мико, – у меня свой есть. Возьми свою удочку и, Бога ради, смотри, что делаешь. Тебе даже больше никакого живца теперь не надо – лучше приманки не придумаешь.

Он засмеялся, пошел к борту, лег на край и стал опускать в воду свой платок, пока он не промок как следует в морской воде, а потом вытащил и прижал к щеке. Затем отнял и посмотрел на то место, где кровь смешалась с солью.

– Давай я тебе сделаю, – сказал рыжий мальчик и, взяв у него из руки платок, стал осторожно похлопывать Мико по щеке, пока кровь не остановилась. – Надо бы йодом смазать.

– Йод из моря достают, – возразил Мико, – а на платке морская вода, чем тебе не йод?

– Верно, – сказал мальчик. – Ты только на меня не сердись. Неудачно это у меня получилось, что и говорить. Я ведь в первый раз.

– А спиннинг чей? – спросил Мико.

– Да отца моего, – ответил мальчик.

– А он знает, что ты его взял?

– Как же! Я просто вернулся из школы, стащил его и удрал.

– А ты не знаешь, – сказал Мико, – что в морской воде такой спиннинг в два счета можно испортить? Да он уже испортился. И влетит же тебе от отца, и ведь за дело.

– погоди, вот увидит мой роскошный улов, – сказал мальчик.

– Если он форелью увлекается, – сказал Мико рассудительно, – ему вряд ли понравится, что его лучшую удочку губят ради макрели.

Мальчик рассмеялся.

– Да ну, – сказал он. – Я ему как-нибудь зубы заговорою. Он у меня хороший.

– Как тебя звать? – спросил Мико без дальнейших обиняков.

– Питер Кюсак, – сказал рыжий мальчик. – А тебя как?

– Мико, – ответил он и, подумав, что мальчик ничего себе, улыбнулся. – Удил бы ты лучше макрель, – сказал он, – если хочешь поразить отца.

– Правильно, – сказал Питер. – Мы ведь еще увидимся, правда?

Мальчики снова занялись рыбной ловлей. Они стояли рядом. Время от времени Мико с подчеркнутой осторожностью уворачивался от удочки Питера, и тогда они принимались хохотать, и смех еще больше сближал босого мальчика в нитяной фуфайке и мальчика в беленькой рубашке и коричневых ботинках с белыми носочками.

Но вот начался отлив. Море отступило, а с ним и рыбешки, а за рыбешками и прожорливая макрель. Старая барка выступила из воды. Оказалось, что та часть ее, которую прежде не было видно, вся покрыта зелеными водорослями. Мико не любил смотреть на старую барку, когда море оставляло ее. Тогда казалось, что она теряет всякое достоинство и превращается

в никому не нужную старую развалину, которая к тому же скверно пахнет, когда солнце добирается до нижней ее части.

– Ты в какой стороне живешь? – спросил Мико Питера, нанизывая на кусок бечевки свой внушительный улов.

– Да в западной, – сказал Питер.

– Значит, нам с тобой по пути, – сказал Мико. – Айда, ребята! – И он, перекинув через плечо веревку, взвалил себе на спину рыбу.

Томми хотел было запротестовать: «А что мать скажет, когда увидит, что у тебя вся фуфайка в чешуе!» – но, зная, что Мико искренне подивится такому вопросу и только плечами пожмет в ответ, повернулся к Питеру и пошел с ним вперед.

– Ты в какую школу ходишь? – спросил он.

– Да я уже кончил одну, – сказал Питер. – Теперь, после каникул, пойду в среднюю.

– И я тоже, – сказал Томми. – У меня стипендия.

– Да? – сказал Питер, приостанавливаясь. – И у меня тоже.

Они выяснили, что пойдут в одну и ту же школу.

– Слышал, Мико? – спросил Питер, оборачиваясь. – А мы-то с твоим братом в одну школу пойдём. А ты тоже пойдешь?

– Нет, – сказал Мико. – Я буду с отцом рыбачить.

Лицо Питера выразило удивление, потому что в его среде дети, окончив государственную начальную школу, непременно шли в среднюю, в независимости от того, получали они стипендию или нет. Однако задумываться над этим он не стал и заговорил с Томми о школе.

– Он что, Мико, маменькин сынок? – шептал Туаки.

– Это почему еще? – спросил Мико.

– А носочки-то! Смотри, совсем как у девчонки, – сказал Туаки, указывая пальцем. – Да еще белая рубашка и поясok разноцветный. Да еще в ботинки нарядился среди лета.

Мико рассмеялся, сам не зная над чем: то ли над изумлением, выраженным в серьезных синих глазах Туаки, то ли над его крошечной фигуркой, согнутой под тяжестью огромной связки рыбы.

– Он не то что мы, – сказал он наконец. – Ему можно носить ботинки летом. У его отца, верно, деньги есть.

– Вот тоже сказал, – возразил Туаки. – Да будь у моего отца сколько угодно денег, я все равно ни за что не стал бы ходить летом в ботинках. Они бы мне все ноги истерли.

– Привык бы, Туаки, – сказал Мико. – И все равно он, кажется, здорово хороший парень.

– Может, и так, – сказал Туаки без большой уверенности, пропуская дорожную пыль сквозь пальцы босых ног.

Они возвращались домой вдоль реки по улице Лонг-Уок. Одержав кратковременную победу над уходящим морем, река обмелела и сейчас с какой-то торжествующей песней и присвистом мчалась по своему каменистому руслу. Кое-где из воды показывались камни. Солнце опустилось совсем низко вдали над заливом, ласково освещая белые домики Кладдаха на другом берегу реки; стройные мачты рыбачьих баркасов, казалось, сплошь опутанные веревками, возвышались на фоне розовеющего неба.

– Вот это жизнь! – только успел сказать Мико, как вдруг около Испанской арки перед ним выросла толпа мальчишек.

Их было человек двадцать, и они стояли тесной шеренгой, загораживая проход под аркой, и, надо сказать, весьма решительной шеренгой. Кое-кого из них Мико уже раньше приметил у доков. Почти всех их он знал в лицо, как обычно бывает, когда живешь в небольшом городке, но знаком с ними не был. Это было городское хулиганье. Это он сразу увидел. Ошибки тут быть не могло. Одеты они были совсем не так, как Мико с братом или Туаки. Короткие рваные куртки и штаны, протертые сзади до дыр, или штаны с остатками заплат. На голых местах

виднелась городская грязь. Волосы или коротко остриженные, или заметно нуждающиеся в стрижке. Лица бледные, потому что там, где они жили, высокие дома заслоняли солнце, не пропуская его на длинные, узкие улицы.

Сначала они остановили Питера и Томми.

– Эй, ты! – сказал один из них, толкнув Питера рукой в грудь. – Куда это ты собрался?

Мальчишка был высокий, почти одного роста с Мико и хорошо сложенный. Он вырос из своей одежды; его раздавленные плечи выпирали из куртки, и в дыры проглядывало голое тело. У него была круглая голова, вздернутый нос и маленькие глазенки. Питер посмотрел на его руку.

– А ну, убери свою грязную лапу, негодяй! – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более интеллигентно.

Мальчишка до того удивился, что послушался, но потом, опомнившись, толкнул его в плечо так, что Питер от неожиданности сел на землю, а его нанизанная на веревочку клейкая рыба забилась в пыли.

– Ты это с кем разговариваешь? – спросил мальчишка.

Вид у Питера, сидевшего на земле с изумленно вытаращенными глазами, был очень смешной.

– Так их, Бартли! – сказал один из приспешников. – Мы этой кладдахской шпане покажем.

Мико чуть было не засмеялся над Питером, до того смешной был у него вид, но, заметив, что верхняя часть его тоненькой удочки сломалась, когда он падал, почувствовал прилив раздражения. Рот у него сжался, он подошел к Питеру, подхватил его под руки и поднял.

– Это что за шутки? – спросил он Бартли.

– А ты кто такой? – спросил Бартли. – Кто вам разрешил ходить на эту сторону реки? У вас свое место, у нас – свое. А раз вы не хотите сидеть на своем месте, так мы вам заявляем, что вся ваша рыба конфискована, и вы ее можете сейчас же сдать, и тогда мы отпустим вас с миром. А не отдадите, тогда мы вам покажем. Так что выбирайте.

– Мико, – спросил Питер, – в чем дело?

У Мико не было времени объяснять Питеру, что такое враждующие шайки. История была довольно-таки запутанная. Существовала кладдахская сторона реки, и существовала эта сторона реки. Здесь распоряжалась шайка то ли с Большой улицы, то ли со Средней улицы. И если кому приходилось заходить на вражескую территорию, это всегда грозило неприятными последствиями. В детстве все это было захватывающе интересно. Тем не менее Мико считал, что теперь-то они выросли из этого возраста. Но не тут-то было.

– Послушай-ка, – сказал он, – вас тут десять на одного, так что драться, пожалуй, нам с вами ни к чему. Давайте договоримся: мы вам даем две связки рыбы из четырех, а вы нас оставьте в покое.

«Я становлюсь к старости страсть каким рассудительным, – мелькнула у него мысль, – раз уж так увливаю от драки». Но, с другой стороны, он понимал, что от Томми в драке никогда большого прока не было, а Туаки слишком мал, чтобы допускать его драться. Когда же он представил себе, что хорошенькую белую рубашку Питера изваляют в пыли, ему стало не по себе. К тому же он вспомнил о деде и пошел на компромисс.

– А ну, заткни глотку, индюшачье рыло, – сказал Бартли.

Приспешники захихикали. Томми, который отошел бочком от компании, собравшейся под аркой, взглянул на своего брата и увидел все признаки надвигающейся бури: здоровая сторона его лица побледнела, на скулах заходили желваки. «О Господи, – думал Томми, – только бы он не полез драться. Не хочу я, чтобы меня били. Не то что я трус или еще там что, но каждый раз, когда такое случается, у меня в животе прямо все падает, стоит только представить, как будет больно, если дадут по переносице или припают кулаком по глазу». И он обернулся,

чтобы посмотреть, нельзя ли ускользнуть подобра-поздорову той же дорогой, что они пришли, но, к ужасу своему, заметил, что кольцо молча сомкнулось вокруг них. «Только бы он теперь не вышел из себя, – молился он, – а то меня побьют».

Мико стал мысленно считать до десяти (дедова школа). «Крепись, Мико, только дураки выходят из себя. Рыбак никогда не выходит из себя. У него для этого бывает столько причин, что если бы он каждый раз выходил из себя, то превратился бы в развалину годам к тридцати. Ну, сделай глубокий вдох, сосчитай до десяти и наплюй на все – пусть выходят из себя ленивые, блудливые, мягкотелые сукины дети, что живут в городах...»

Он дошел уже до восьми, когда маленький Туаки, весь красный, выскочил вперед и, прежде чем его успели остановить, размахнувшись, ударил Бартли связкой рыбы по лицу, приговаривая:

– Ах ты, паршивая городская гнида, да я тебя сейчас убью! Ей-ей, убью! – И, оседлав свалившегося с ног, засыпанного чешуей противника, в исступлении принялся молотить его кулаками по лицу.

Туаки обожал Мико.

После этого больше уже, конечно, ничего не оставалось делать, как драться.

Сначала Мико бился связкой рыбы, описывая ею круги в воздухе, пока не лопнула бечевка и рыба не разлетелась во все стороны. Тогда пришлось перейти на кулаки. Нелегко ему пришлось. Краснорожие, сквернословящие мальчишки сплошь облепили его громадное тело, как мухи коровий глаз.

Питер тоже пустил в ход связку рыбы, и Мико с удивлением, восхищением и радостью заметил, что Питер оказался на высоте. Он плотно стиснул кривые зубы и, когда рыба отслужила свою службу, перешел на отцовскую удочку (бедный отец!), и, взяв ее в левую руку, орудовал ей то как мечом, то как обухом.

Томми прикрывал руками затылок и отбрыкивался как мог. Иногда он выставлял локоть, чтобы сунуть его кому-нибудь в глаз, но удары, казалось, сыпались на него со всех сторон, и ему пришлось пройти через все, чего он так опасался: и удар по переносице он получил, и кулаком по глазу досталось. Все было. Так что он хватался то за нос, то за глаз и наконец, не удержавшись, завопил:

– Да оставьте вы меня, ну! Оставьте меня!

И, как всегда бывает у мальчишек, почувствовав, что их боятся, они начали насакивать на него с новой силой, колотя по спине и поддавая ногами, а потом с воплями присоединялись к толпе, копошившейся вокруг Мико, Питера и Туаки.

Туаки дрался за троих. Он был так мал, что для того, чтобы ударить его как следует, нужно было очень низко нагнуться. Он был страшен в своем благородном гневе. Он налетал то на одного, то на другого мучителя и, обхватив его за шею руками, сдавливал до тех пор, пока тот не падал. Тогда Туаки ударял его кулаком в нос и переходил к следующему.

К Мико было страшно подойти. Он был очень большой и очень сильный, и каждый раз после его удара кто-нибудь из противников вдруг начинал реветь и звать маму, приплясывая на одном месте и потирая ушибы.

Но бой был неравный, и исход его был предначертан заранее: им предстояло или бесславно сдаться, или быть сброшенными в обмелевшую реку. Однако Бог решил иначе.

Избавление неожиданно пришло в лице маленького человечка, который терновой палкой, как карающим жезлом, принялся рассыпать удары по подвернувшимся задницам. Маленький волосатый человечек с ошетилившейся бородашкой, которого все называли Папашей, как разгневанный Юпитер, поднимал и снова опускал свою палку, приговаривая:

– Ах вы, бездельники, ах, негодяи, ах вы, вшивое городское племя! Вон отсюда! А ну, посторонись, мальчик!

Размахивая палкой, он опытной рукой раздавал такие звонкие оплеухи, что звук их разносился над водой, как удары деревянной доски о каменные плиты. Растерявшиеся мальчишки, хватаясь за саднящие шишки и драные уши, пятились от него, очень недовольные этим неожиданным и несправедливым оборотом дела. Отступив на почтительное расстояние, они собрались было уже обругать его всеми нехорошими словами, какие знали, – а знали они их более чем достаточно, – как вдруг он запугал их уже совсем с другой стороны.

– Я вас знаю! – закричал он. – Я всех вас знаю! Ты Бартли Муллен, ты, ты, курносый. А ты Пиджин О’Флахерти, а ты Коротышка Джонсон. Всех я вас знаю и сейчас вот пойду к вашим родителям и заставлю их, чтобы они вас к порядку призвали.

Так как они сами собирались припугнуть его своими родителями, это заявление совершенно выбило почву у них из-под ног. Но худшее было впереди.

– И что учитесь вы все в монастырской школе, я тоже знаю, – сказал он, подразумевая школу, основанную монашеским орденом. – И я завтра же пойду туда и добыю, чтобы настоятель всех вас высек (тут он назвал имя человека, который умел вселить страх Божий в каждого мальчишку, имевшего несчастье учиться в его классе). Ну! Чтоб духу вашего здесь не было! Тоже дикари! Только попробуйте еще налететь, как разбойная саранча, на достойных, миролюбивых граждан! Ну, марш, пока еще не получили!

И они ступшевались, испуганные и смущенные. Много нехорошего думали они о маленьком человечке, но мысль о завтрашнем дне явно их беспокоила. А Папаша обратился к достойным, миролюбивым гражданам, приводившим себя в христианский вид и зализывавшим раны.

– Всю свою жизнь, – поучал он их, – потратил я, разъясняя вам, что драка не есть путь к свободе. Существуют и другие пути – пути окольные и пути прямые. Ты, Туаки, крайне свирепый молодой человек. Тебе надо бы научиться владеть собой, а то в один прекрасный день еще ненароком убьешь кого-нибудь.

Мико это рассмешило. Надо было видеть крошечного Туаки! Вид у него был перепуганный, как у малька. Он смотрел снизу вверх на Папашу. Один глаз у него совсем заплыл – не миновать ему синяка.

Надо же придумать, будто маленький Туаки смог бы кого-нибудь убить!

– А вы перестаньте хныкать, сэр, – сказал Папаша, подходя к Томми, который с полными слез глазами подбирал рассыпавшуюся рыбу. – Учись сносить невзгоды, как подобает мужчине. Ведь неглупый ты мальчишка, а пасуешь перед какими-то крестинами. Отвратительное зрелище! Утри глаза, Томас, и не смей распускаться. А это кто такой? – спросил он, указывая палкой на Питера, собиравшего обломки отцовской удочки.

– Это Питер Кюсак, сэр, – сказал Мико. – Он с нами был.

– Кюсак? Кюсак? – переспросил Папаша, поглаживая бороду. – Ах да! Ты живешь недалеко от меня, верно?

– Совершенно верно, сэр. Я очень хорошо знаю вас в лицо.

– Гм! – хмыкнул Папаша. – А ты неплохо дрался. А теперь, Мико, сколько раз мне повторять, что нечего тебе лезть в такие истории. Подобные свалки – это же позорище. Оставь скандалы и потасовки людям помельче, слышишь, ты?

– На этот раз мы не виноваты, сэр, – сказал Мико. – Уж очень им хотелось нас избить. Завтра я возьму наших ребят и проучу их. Будь нас немного побольше, мы б им всыпали.

– Молчать! – заревел Папаша. – Хорошенького понемножку, слышишь? Если я еще услышу подобные разговорчики, ты будешь иметь дело лично со мной, слышишь, ты?

– Слышу, сэр, – сказал Мико.

– И прекрасно, – сказал Папаша. – Ну а теперь, ребята, собирайтесь – и марш по домам. Ваши родители, наверно, уже беспокоятся. Да умойтесь, прежде чем показываться им на глаза, чтобы никаких следов побоища не осталось. А вот за это спасибо, – добавил он, нагнувшись и подбирая две макрели и тщетно стараясь стряхнуть с них пыль. – С удовольствием съем

их за ужином. И чтобы пришли завтра в школу вовремя и бодрыми, и чтоб все уроки были выучены – и никаких отговорок. Ну, марш, марш, Господь с вами! – И пошел по Лонг-Уок в своем волосатом костюме бодрой походочкой, довольно смешной, но исполненный чувства собственного достоинства. А в руке у него болтались две замызганные рыбины.

Мико взглянул на Питера и заметил у него в глазах веселый огонек и вместе с тем смущение. И оба рассмеялись. А когда Туаки жалобно спросил: «Над чем смеетесь-то, ведь ничего смешного нет?» – они еще пуще захохотали, сгибаясь от смеха в три погибели. Однако угрюмый вид Томми несколько охладил Мико, так что они подобрали рыбу и весь свой несложный инвентарь и последовали за Томми, который молча шел впереди, и даже со спины было видно, что он недоволен.

– Черт возьми, ребята, – сказал Туаки, подпрыгивая, – ну и драка была, а? Видели, как я дал этому самому Бартли в рожу? Видел, Мико, а?

– Еще бы, Туаки, – сказал Мико. – С чего это ты так расхорохорился?

– Черт возьми, – сказал Туаки, стискивая зубы, – он меня взбесил. Я просто озверел. Будь я побольше ростом, я бы его уничтожил.

– Ты и при своем росте неплохо с ними разделялся, – сказал со смехом Мико.

– Вы что, всегда так мило развлекаетесь? – осведомился Питер, осторожно ощупывая подбитый глаз грязной рукой.

– Да нет, не так уж часто, – сказал Мико.

– А у нас ничего такого не бывает, – сказал Питер.

Мико засмеялся:

– Зато у тебя дома сегодня будет сражение. Как только твой отец увидит удочку.

– О Господи! – вздохнул Питер, печально глядя на остатки прекрасного, изящного спиннинга для ловли форели.

Подойдя к большому мосту, они спустились вниз по каменным ступеням, промыли в реке свои раны и ушибы и после этого смыли пыль со снулой рыбы. Потом пересекли мост и постояли немного там, где их пути расходились.

– До свиданья, – сказал Питер. – Слушай, а может, как-нибудь увидимся?

– А что ж! – сказал Мико. – Ты теперь знаешь, где мы живем. Вон там, – махнув рукой в сторону Кладдаха. – Спроси кого угодно, где искать Мико, сына Микиля, они тебе покажут наш дом.

– Я приду, – сказал Питер. – А может, вы тоже могли бы ко мне зайти?

– Могли бы, пожалуй, – сказал Мико.

– У моего отца ружье есть, двадцать второго калибра, – сказал Питер, которому очень хотелось чем-нибудь их заинтересовать. – Может, я его стащу, и мы сходим пострелять уток, или тюленей, или еще что-нибудь?

– Может, – сказал Мико. – Только как бы с ним не приключилось того же, что с удочкой?

– Ну, пока, – сказал Питер, медленно отходя от них.

– Пока, – сказал Мико, сворачивая в сторону черных ворот шлюза.

«Ну и денек! – думал Питер. – Только вообразить, чтобы такое каждый день случалось!»

Он все оборачивался на громадного Мико и прыгавшего рядом с ним крошечного Туаки, пока не дошел до ряда магазинов и жилых домов. Потом с легким сердцем повернул к своему дому. Несмотря на сломанную удочку, мысль о встрече с отцом не очень-то его беспокоила.

– А он хороший парень, а, Мико? Я такого от парня в беленьких носочках не ожидал, – решил Туаки.

– Еще бы, – сказал Мико. – И дрался он прямо как герой.

– Здорово он с ними! Я от парня с чистой шеей такого не ожидал, – продолжал Туаки рассудительно. – А посмотришь на него, так можно подумать, что маменькин сынок.

«Маменька!» И Мико вспомнил о матери. Он посмотрел вперед и увидел высокую, тонкую фигуру брата, ускорявшего шаги по мере приближения к дому. «Теперь он все расскажет, – думал Мико, – и, конечно, в ответе буду я. А, ладно. Я уже достаточно большой, чтобы быть в ответе». И они перешли мост и направились к поселку: маленький и большой, с добычей на плечах и с подбитыми глазами.

Глава 4

Пойдите по главной улице города и возле квадрата чугунной ограды, замыкающей зеленую лужайку, поросшую какими-то кустарниками и цветами, сверните направо к маленькому вокзалу; пройдите мимо вокзала и идите дальше прямо по узенькой тропинке, перебегающей через небольшой мост, по которому поезд, не подчинявшийся никаким расписаниям, уносил когда-то пассажиров в самую глубь Коннемары. Оттуда по протоптанной солдатами дорожке, бегущей рядом с железнодорожным полотном, вы сможете добраться до военных лагерей, расположенных на холме.

Если хотите, можете пересечь железнодорожное полотно и выйти к морю. Только почва здесь топкая, и во время отлива от нее поднимается неприятный запах. Но стоит вам пройти лагеря и остановиться, чтобы осмотреть траншеи, и ходы сообщения, и заграждения из колючей проволоки, постройкой которых забавляют солдат, как вы попадаете в совершенно иной мир.

Местность здесь довольно дикая, но зато под ногами твердая почва, а налево тянется дремучий лес, пересеченный ржавыми железнодорожными путями. А у моря, там, где серебристый песок чередуется с громоздкими бурыми скалами, уж вовсе пустынно и дико, здесь можно провести целый день и не встретить ни души, разве только чаек да каких-то неизвестных птичек, прилетающих время от времени из лесу, чтобы взглянуть на море. А потом, если пройти еще дальше и обогнуть мыс, за которым прячется Оранморская бухта¹³, вы наткнетесь на удивительное место: впереди прямо перед собой вы увидите зеленый островок. Если в это время прилив достигает высшей точки, вы, наверно, призадумаетесь, каким это образом забрались на островок пасущиеся там коровы? Но если вы дождетесь отлива, то увидите, что к нему ведет длинная насыпная дамба. Во время отлива по дамбе можно ходить, до поры до времени, конечно, пока не наступит непогода и штормы не обрушатся на нее. Тогда люди, ругаясь и проклиная все на свете, снова укрепляют эту дорогу. Пойдите по дамбе, и она приведет вас на островок. Вы просто глазам своим не поверите, до чего зелена там трава. Это не какая-нибудь грубая осока, что растет обычно возле моря, а настоящая доброкачественная, питательная трава, что годится в пищу племенному скоту. Круглый год здесь цветут всевозможные цветы. Если обойти вокруг островка, то окажется, что он гораздо больше, чем вы думали. К центру он возвышается, образуя холм, и, вероятно, благодаря этому с него сбегает вся лишняя вода, а фосфаты, которые несет с собой дыхание извечного океана, задерживаются (вот почему здесь, наверно, и трава такая хорошая).

На самой верхушке холма стоит одинокое дерево. Это боярышник. В мае он бурно цветет, и люди говорят, что нет на свете другого боярышника, который бы цвел так долго, как это одинокое дерево. Ствол его, толстый и искривленный, напоминает узловатые мускулы крепкого старика. Штук двенадцать камней кольцом разложено вокруг дерева, и трава у его подножья растет очень низкая и густая, и до чего же приятно посидеть в тени его ветвей, подставив лицо морским ветрам! Запах здесь чудесный. Одно странно: ни коровы, ни овцы, пасущиеся на острове, никогда и близко не подходят к этому дереву. А ведь коровы любят деревья. Они объедают кору, и уж во всяком случае большинство любит боярышник, потому что об его острые шипы можно почесаться и разогнать тысячи всевозможных паразитов, осаждающих коров зимой и летом. Потому, конечно, странно, что коровы не подходят к дереву. Почему бы им не подходить хотя бы для того, чтобы полакомиться сочной и, по всей видимости, вкусной травой? Но они этого не делают. Это факт.

Ну и что?

¹³ Оранморская бухта – бухта в Голуэйском заливе.

Да то, что это волшебное дерево. Пожалуйста, пожимайте плечами сколько угодно, говорите, что перестали верить в чудеса еще в шестимесячном возрасте. Может, вы даже сумеете объяснить, что ничего необычного в этом дереве нет? Дело ваше. Только вряд ли вам кто-нибудь поверит. Если хотите, пройдите немного по дороге и поговорите с кем-нибудь из местных жителей, и у вас на этот счет не останется никаких сомнений. Ваши собеседники, возможно, даже приволокут старейшего обитателя этих мест, который видывал на острове такое, что ни один смертный и не поверит. Вот так-то!

На всем протяжении островка зеленые лужайки сменяются серыми скалами. И ничего другого! Только зеленая трава да скалы. А вокруг пучина морская, бездонная даже во время отлива. Будто кто-то загадочный и страшный, обитающий в недрах земли, проткнул пальцем дно океана, и на кончике этого огромного пальца едва держится островок. Случается, сюда залетают дикие утки. И если бы кто-нибудь из окрестных жителей набрался храбрости и пришел зимой на остров поздно вечером, он мог бы вволю настрелять диких гусей. Только никто никогда не приходит.

Вот сюда-то и пришли по длинной дамбе как-то под вечер в начале августа четыре мальчика.

Мико шел первым, зорко ко всему присматриваясь. Он то и дело поднимал голову и принюхивался к ветру – этому научил его дед («А ты носом шевели, носом. Для чего у тебя нос? Учись по запаху угадывать перемену ветра, чтобы рыбу не прозевать!»). За Мико шел Питер и тащил в руках обещанное ружье. Он то и дело перебегал с одной стороны дамбы на другую, и вообще вид у него был довольно легкомысленный. За Питером шел Томми, а за ним Туаки, у которого в дыру на штанах вылез кончик рубашки, так что он им будто хвостиком помахивал.

Добыть ружье оказалось не так-то просто. Не то чтобы отец Питера отказался дать его. Мико успел заметить, что отец готов был преподнести Питеру хоть Полярную звезду на золотом блюде, стоило только Питеру попросить его. Славный он был человек. Мико он сразу понравился. Грубоватый, с выгоревшими усами и постоянным загаром, оттого что он так много времени проводил на воздухе: все лето он ловил форель, и лосося, и щуку, а зиму простаивал по самую «ватерлинию», как он выражался, в болотах, охотясь на диких гусей и уток, и не было во всем графстве Голуэй местечка, которого бы он не знал как свои пять пальцев.

«И почему это так, – недоумевал Мико, – ведь из Питера должен был получиться самый что ни на есть избалованный мальчишка, а вышло совсем наоборот. Это потому, что он парень умный и понимает, что родители его совсем еще дети несмышленные и что ему надо за ними присматривать, а то Бог знает что они могут натворить. И, несмотря на все его многочисленные проделки, он скорее отрубил бы себе правую руку, чем огорчил их».

– Расскажи-ка, Питер, – обратился к нему Мико, – как это ты уговорил его дать тебе ружье?

– Да очень просто, – ответил Питер. – Собственно, я просил дробовик, но он от возмущения совсем раскипятился, чуть не лопнул. Это ружье у него, видишь ли, с самого детства. Он, кажется, скорее расстался бы со мной, чем со своим дробовиком. Ну, я смотрю, дело плохо, и решил действовать осторожно. Меня вовсе не устраивало, чтобы мама знала, что я выпрашиваю ружье. Пришлось поломать немного комедию, а потом я позволил ему дать мне в утешение двадцатидвухмиллиметровку.

– О Господи! – сказал Мико. – Надеюсь, с ней ничего не случится.

– Да чего ты боишься? Посмотри на меня! Чем не прирожденный стрелок?

– Неужели мы правда сможем что-нибудь убить из такой штуковины? – поинтересовался Туаки.

– Из нее хоть слона можно убить, – ответил Питер, – попади только, куда надо.

– Ш-ш-ш... – сказал Мико, расставив руки и останавливая их у самого острова. – Вы ничего не видите?

– Что такое? – спросил Питер.

– Смотрите! – сказал Мико, указывая пальцем и понижая голос. – Что это там, под волшебным деревом?

– Волшебница, – ответил Питер таким же шепотом.

– А и впрямь ведь! – сказал Мико, глядя на белое неподвижное существо.

– Да ну вас, ребята! – сказал Туаки, подходя к ним сзади и прислушиваясь. – Вы так не говорите, а то у меня уже мурашки по спине пошли.

Он присмотрелся и громко заорал:

– Фу, да это просто какая-то девчонка!

Им виден был ее силуэт. Она сидела там наверху, склонив над книгой голову, а уходящее солнце освещало ее сзади, так что белое платье казалось дымкой. Она подняла голову и посмотрела в сторону дамбы. Половина ее лица была освещена солнцем. Если она и смутилась при их появлении, то виду, во всяком случае, не подала и продолжала внимательно смотреть на них, а они стояли на месте и молча смотрели на нее. И когда Мико как зачарованный зашагал в ее сторону вверх по склону, поросшему низенькой травой, они пошли за ним. Там, где кончалась тень от дерева, он остановился и посмотрел на нее. Черные, коротко остриженные волосы делали ее похожей на мальчишку, только подбородок был круглый, а губы розовые. На ней было легкое платье, открывавшее руки, загорелые, усыпанные маленькими темными родинками. На одной руке были золотые часики. Глаза, карие и очень внимательные, в упор смотрели на ребят. Она сидела, высоко подтянув колени. На коленях лежала книга, которую она придерживала левой рукой. Длинными тоненькими пальцами правой руки она выдергивала из земли травинки. Мико, отнюдь не лишенный воображения, подумал, что, должно быть, очень неприятно сидеть в полном одиночестве на островке, заброшенном в Атлантическом океане, и вдруг оказаться лицом к лицу с четырьмя мальчишками. Мальчишками вроде них, довольно оборванными и босыми. А сам-то он, с его ростом да еще с такой физиономией! До чего он должен казаться страшным! Да и Туаки тоже хорош; он хоть и маленький, но челка и мрачная ухмылка придавали ему достаточно устрашающий вид. Туаки всегда хмурился в присутствии девочек. Уж очень он их конфузился. Но никаких признаков испуга девочка не проявляла.

«Может быть, – подумал тогда Мико, – с ней есть еще люди, только они сейчас по ту сторону холма и их не видно?»

– Здравствуй! – сказал он и улыбнулся.

– Здравствуйте! – ответила она холодно.

Некоторое время все молчали, только Туаки смущенно топтался на месте. «Чего бы еще сказать, – мучительно думал Мико, – и с чего я вообще сюда притащился?»

– Ты что, книгу читаешь? – спросил наконец Питер, делая шаг вперед.

– Да.

– А где твоя мать? – спросил он тогда.

– Дома, насколько я знаю, – ответила девочка.

– Удивительно все-таки, – сказал Питер, – что она разрешает тебе читать книги в такой глуши.

– Это что, твой остров? – спросила она.

– Нет, – сказал Питер.

– Тогда чего же ты суешь нос в чужие дела?

Благодушное настроение Питера сразу пропало.

Он слегка покраснел. «Рыжие вообще легко краснеют, – подумал Мико, – так что сразу видно, когда они попадают впросак».

– Подумаешь! – сказал Питер. – Я ведь просто так спросил.

– А зачем тебе ружье? – спросила она, помолчав.

– Это что, твой остров? – спросил он.

– Может, и мой, – сказала она.

– Сама должна знать, зачем людям ружья, – сказал Питер грубо. – Пошли отсюда, ребята!

Он собрался уже уходить, но потом снова обернулся.

– Как называется книжка? – спросил он вызывающе, вытянув вперед шею.

Как ни странно, но она ему ответила.

– Ее написал мистер Джеймс Стивенс¹⁴, – сказала она, подчеркивая каждое слово, будто желая сказать, что откуда, мол, такому невежде знать, кто это такой.

– А кто ее тебе потом растолкует? – поинтересовался тогда Питер.

– По-моему, ты очень грубый мальчик, – сказала она, сверкнув глазами.

Добившись наконец от нее проявления чувств, Питер собрался уходить.

– Ну, пошли, ребята! – повторил он, решительно повернув вниз к берегу.

– Надеюсь, вы не будете стрелять птиц? – громко сказала она. Ее слова заставили Питера остановиться. – Никто здесь никогда не бьет птиц. Они не боятся выстрелов. Нельзя их здесь стрелять. Это смертный грех.

– Да неужели? – спросил Питер с изысканной вежливостью, подняв рыжие брови. – Как интересно! Что ж, если ты здесь еще посидишь немного, то увидишь немало смертных грехов.

Он повернулся и на этот раз твердо пошел к берегу.

– Не обращай на него внимания, – сказал Томми девочке.

– Он из Голуэя? – спросила она.

– Да, – ответил Томми.

– Странно, – сказала она таким тоном, как будто среди бела дня встретила на рынке эскимоса, покупающего сосиски.

– Тебе нравится Джеймс Стивенс? – спросил Томми.

– Я его обожаю, – ответила она простодушно, со всем жаром своих пятнадцати лет (во всяком случае, Мико показалось, что ей должно быть лет пятнадцать).

– Мне он тоже нравится, – сказал Томми, – только уж очень много у него фантастики.

Мико этот разговор показался странным, но потом, вспомнив, как Томми вечно сидит, уткнувшись в книги, он решил, что ничего удивительного здесь нет. Сам Мико никогда ни о каком Стивенсе не слышал, кроме того, который изготавливал сине-черные чернила, стоявшие в большой бутылке на столе у Папаши.

– Ах, да что ты понимаешь! – сказала она, немного покровительственно махнув рукой, но в душе слегка удивилась, что какой-то мальчишка из Кладдаха (почему-то мальчишек из Кладдаха всегда можно безошибочно распознать) понимает, о чем идет речь, тогда как она как раз собиралась подавить их своим превосходством и заставить убраться со своего чудесного острова.

Это было ее убежище. Сюда несла она все стремления, желания и тоску надвигающейся юности; сюда удалялась, чтобы побыть подальше от всех и вся; здесь можно было молчать и читать о далеких неведомых странах и оставаться наедине с птицами и бездонным синим морем, которое, кстати сказать, в этой бухте никогда не бывает синим, здесь оно зеленое-зеленое, как робкие чувства расцветающей юности.

– Идете вы или нет? – кричал Питер с пустынного берега, сложив руки рупором.

– Ладно, Питер! – крикнул Томми. – Сейчас идем.

¹⁴ *Джеймс Стивенс* (1882–1950) – ирландский поэт и писатель, изучал ирландскую культуру и обычаи, собирал ирландский фольклор. С 1920-х гг. и до смерти работал на BBC, где читал собственные стихи. Его роман «Горшок золота» (1912) удостоен Полиньякской премии за 1912 г. и является классикой англоязычной литературы.

Томми умел удивительно легко перескакивать с одного предмета на другой, только сейчас его мысли занимала эта девочка с коротко стриженными волосами, падающей на лоб челкой, с правильными чертами лица и решительным подбородком; сейчас это была она со своим Джеймсом Стивенсом, а уже через минуту он весь ушел в сложную механику двадцатидвух-миллиметровки. Подходя к Питеру, он уже успел пережить выстрел во всех подробностях: представил себе все так ясно, как будто сам оттянул хорошо смазанный затвор, ощутил под пальцами маленький продолговатый патрон, вставил его в патронник, навел мушку, прицелился и услышал треск выстрела.

Девочка подняла глаза и увидела, что Мико смотрит на нее сверху вниз и улыбается.

– Питер – славный парень, – сказал Мико неизвестно зачем. – Просто ему с таким трудом удалось выпросить у отца ружье. А притащить его сюда было тоже не так-то просто! Пришлось спрятать под рубашку и пропустить в штанину, чтобы никто не заметил. А так он всегда очень вежливый.

Тогда она немного смягчилась. Вид у нее стал менее натянутый, и голос утратил надменность.

– Только смотри, чтобы он не убивал птиц, – сказала она, и видно было, что это беспокоит ее не на шутку.

– По правде говоря, – сказал Мико, – мне что-то не верится, чтобы он мог убить птицу, даже если она прямо перед ним усядется. Я заметил, что он и ружье-то держать в руках не умеет. Да и патронов у нас всего десять штук.

– Это приятно слышать, – сказала она.

– Как тебя звать? – спросил он и опять сам себе удивился. – Ты, конечно, извини, – добавил он после паузы, – что я не в свое дело лезу, только смотрю я, сидишь ты тут одна под деревом и ничуть не боишься четырех парней бандитского вида. Зачем ты сюда приходишь?

Она вытянула ноги, и книга соскользнула ей в подол.

– Да ты не извиняйся, – сказала она. – Меня зовут Джозефин Мулкэрнс. Зачем я сюда прихожу? Да так, чтобы побыть одной.

– Неудачный ты выбрала для этого день, – усмехнулся Мико.

– Это правда, – сказала она. – А ты в чудеса веришь?

– Сейчас нет, – ответил Мико, – а ночью бывает, что и верю.

– О Господи, Мико, да идешь ты? – спросил с возмущением Туаки, стоявший чуть поодаль. У Туаки на лице было написано все, что он думает о девчонках, а думал он о них не особенно-то лестно. – Ну, Мико! – продолжал он. – Ребята же все патроны расстреляют, пока ты соберешься.

И тут же, будто в подтверждение его слов, раздался треск, похожий на щелканье бича.

– Слышишь, Мико! Иди, ну!

– Иду, иду, Туаки, – сказал Мико. – Ну, пока, – сказал он, обращаясь к девочке, – так ты не обижайся, что мы тебе не дали побыть одной.

Она улыбнулась. Зубы у нее были мелкие и такие же ровные, как челка.

– Ничего, – сказала она, – против тебя я ничего не имею, а вот тот рыжий мальчишка просто несносный.

Они бегом догнали остальных, и на протяжении следующего часа никто не вспоминал о решительной девочке, сидевшей на холме с книжкой Джеймса Стивенса. На острове водились дикие утки. На них мальчишки и изводили свои патроны. Остров был неровный, изрезанный небольшими овражками, в них можно было прятаться и незаметно переползать с места на место. Они нет-нет да стреляли, не целясь, то в осторожную крякву, то в юркого чирка. Занятие было хоть и бесплодное, но зато веселое. Жизнью пока что рисковал только тот, кто находился в непосредственной близости от стрелявшего. Очень скоро они израсходовали восемь патронов, по два каждый, а потом Питер выпустил девятый в черного баклана, который, давась

от жадности, пожирал пойманную рыбу. И вот тогда-то, дойдя до восточной окраины острова, они увидели на плоской черной скале далеко в море трех тюленей.

Первым их заметил Мико, он и заставил остальных опуститься на траву.

– Да тише вы! – зашептал он. – Ложитесь Бога ради, потом посмотрите.

Они лежали очень тихо, с колотящимися сердцами, а потом подняли головы. Тюлени, вероятно, только что появились, а то их давно бы распугали выстрелы. Далеко, за Аранскими островами, солнце укладывалось спать за темные облака, которые угрожающе надвигались с запада.

Начавшийся прилив пока еще чуть заметно поднимал и опускал водную гладь. Воздух казался совершенно прозрачным. Это был один из тех вечеров, когда звуки слышны далеко-далеко. Они даже различали в жужжании мошек, тучами осаждавших их, отдельные голоса и треск прятавшихся в траве кузнечиков. Горы Клэра вырисовывались совершенно отчетливо. «Это к дождю!» – подумал Мико. Видны были голые горы и груды нагроможденных на них камней, безобразные обломки гранита, казалось, за ненадобностью сброшенные сюда с неба.

А тут еще эти тюлени, гладкие и лоснящиеся, похожие на безупречно обточенные круглые прибрежные валуны. Двое из них забрались на скалу. Они лежали, вытянув шею и туловище в одну линию, неподалеку от них расположился еще один тюлень. Он поминутно соскальзывал со скалы, игриво прятал голову под воду и кувыркался, так что его спинка то и дело мелькала на поверхности. Потом он исчезал глубоко под водой и сейчас же с невероятной быстротой выныривал из воды, точь-в-точь как лосось, что иной раз в панике спасается от преследования тюленя, может быть, родича вот этого самого, и, мокрый и торжествующий, карабкался на камень. Тогда один из лежавших там тюленей приподнимался на передние ласты и издавал странный, удивительно немзыкальный звук, напоминающий гудок старинного автомобиля, и они сходились морда к морде, как будто стараясь укусить друг друга, и тот, что держался хозяином, напирал грудью на пришельца, оттеснял его назад и наконец спихивал с камня, так что он уже безо всякой грации тяжело плюхался в воду, поднимая брызги фонтаном. Удивительно интересно было наблюдать за ними. И чего это они? Казалось, они могут продолжать так до бесконечности. А один тюлень так и лежал, растянувшись, предоставляя другому расправляться с непрошеным гостем. «Интересно, самец это или самка? – думал Мико о ленивом тюлене. – Что это, две женщины дерутся из-за мужчины или, наоборот, двое мужчин – из-за женщины?»

Это было прямо настоящее представление. Каждый раз, как тюлень падал со скалы в воду, Туаки принимался хлопать в ладоши и громко хохотать, так что Мико приходилось зажимать ему рот огромной рукой.

И вот Питер положил всему этому конец. Он прицелился.

– Попробую-ка я по ним выстрелить, – сказал он, сверкая глазами.

По-видимому, в нем заговорил кровожадный инстинкт отца-охотника. Мико хотел было протестовать: «А вдруг он правда возьмет да убьет одного из этих милых зверей?» – подумал он. Вот жалость! В их игривости было что-то почти человеческое. Однако уже смеркалось, и он решил, что Питеру все равно не попасть, разве что спугнет их. Те, что лежали на скале, немного обсохли, и, хотя шкуры их все еще лоснились, стало заметно, что шерсть у них коричневатого-серого цвета.

– Ладно, – сказал Мико. – Валяй!

– Если вы посмеете стрелять в тюленей, – раздался сзади возмущенный голос, – я сообщу об этом в полицию.

Все четверо испуганно подняли головы.

– О Господи! – произнес Питер. – Опять ты!

Он подставил левую руку под ружье, примостил дуло на бугорке прямо перед собой и положил палец на спусковой крючок.

– Не давай ему стрелять! – взмолилась она, обращаясь к Мико, а потом вскочила на ноги и закричала: – К-шш, к-шш! – так что голос ее разнесся далеко над водой.

Тюлени подняли испуганные морды и затем с невероятной быстротой соскользнули со скалы в море. В тот же момент раздался выстрел. Они увидели всплеск ярдах в десяти левее скалы.

– Если бы я знала, – сказала девочка ядовито, – что ты такой меткий стрелок, я бы не стала беспокоиться. – Потом повернулась и пошла прочь.

– Господи Боже! – негодовал Питер.

– Брось, Питер, – сказал Мико, положив ему руку на плечо, – ну чего ты из-за нее расстраиваешься?

Томми все о чем-то думал.

– А ведь уже темнеет, – сказал он. – Когда прилив заливаает дамбу?

Это вернуло их к действительности. Они переглянулись, а потом как по команде вскочили на ноги и побежали во весь дух, пока не достигли вершины холма, без оглядки помчались вниз по противоположному склону и остановились, только когда добежали до дамбы и увидели, что прилив уже начался и бурлящая вода перекатывается через нее.

И тут они заметили девочку. Она стояла и смотрела на них.

– Это все из-за тебя, – сказала она Питеру. – Из-за твоей глупой стрельбы. Я бы давным-давно ушла, если бы не считала своим долгом оставаться здесь и присматривать, чтобы вы никого не убили. А потом я засмотрелась на тюленей и забыла. Что же нам теперь делать?

– Вода еще не такая высокая, – сказал Питер. – Можно перейти.

– Ну что ты, Питер! – сказал Мико. – Ты посмотри на прибой. Тут слона смоем.

– Тогда давайте переплывать, – настаивал Питер.

– Не будь глупее, чем кажешься, – сказала девочка. – Здесь почти полмили, а тянет так, что оглянуться не успеешь, как тебя в Америку унесет.

– На мой взгляд, – сказал Питер, обращаясь к темнеющему небу, – древние китайцы были единственной в мире разумной нацией, потому что они топили всех девчонок.

– Может, мы бы и правда переплыли, – сказал Мико, прикидывая расстояние.

– Да что ты, Мико, – запищал Туаки, – я же не умею плавать.

– Ах да, я и забыл, – сказал Мико.

– Я тоже не умею плавать, – заметил Томми, – но об этом ты, конечно, не подумал.

– Раз так, ничего не поделаешь! – сказал Мико. – Сейчас около десяти. Часа через три мы сможем пройти.

– Боже мой! – сказал Туаки. – Это значит, будет час ночи. Да отец меня убьет.

– А что нам еще делать? – спросил Мико.

– Ничего, – ответила девочка. – Ты совершенно прав. Нам придется ждать, вот и все. Прямо не знаю, что мои родители подумают.

– Подумают, наверно, что ты умерла, и вздохнут с облегчением, – сказал Питер.

Она поджала губы, повернулась и пошла вверх по холму прочь от них. Уже почти совсем стемнело. На дальнем конце дамбы поднимался огромный месяц, но опытный взгляд Мико сразу заметил, что он вскоре скроется за темными тучами, которые уже начали затягивать горизонт. И не ливень это будет, а настоящий хороший, упорный дождь. Уж как зарядит, так скоро не кончится.

– По-моему, – сказал он, – нам надо пойти на гору и разложить под деревом костер. Больше укрыться нам все равно негде, а дождь будет. Пошли бы вы берегом да посмотрели, не прибило ли там каких щепок. Тащите все, что найдете, нам все сгодится. На всем острове, кроме этого дерева, нет ни куста. Даже папоротник здесь не растет. Питер, вы с Томми идите с той стороны, а мы с Туаки пойдем с этой. Встретимся на том конце.

Мальчики пожали плечами и отошли. Мико подумал, что искать они будут не очень-то тщательно, потому что у них всегда находились темы для разговоров, отвлекавших их от таких простых вещей, как работа. Он пошел берегом. Ночная тишина нарушалась осторожными всплесками волн, мягко ударявших о берег. Так перед прыжком бьет хвостом тигр. Туаки не отходил от Мико ни на шаг. Они шли, внимательно глядя себе под ноги. В темноте Туаки приятно было видеть рядом с собой массивную фигуру Мико. По правде говоря, Туаки побаивался темноты. Это был смутный страх, порожденный болезненным воображением, – результат сказок, которыми бабушка Туаки развлекала внуков, пока была жива. Она была старая-старая. И всегда сидела у очага в аккуратно расправленной красной юбке, в неизменном клетчатом платке, так что казалось, будто она приросла к шестку. У бабки была коротенькая старая трубка, которую она тайком покуривала, когда думала, что дети на нее не смотрят. И было очень занятно наблюдать, как проворно прятала она трубку в складках красной юбки, стоило кому-нибудь появиться в дверях или если кто из детей поднимался по нужде чуть свет и бежал в домик во дворе (другими удобствами поселок пока что не располагал). Она вечно рассказывала им всякие небылицы, от которых, пожалуй, даже у собаки шерсть зашевелилась бы, больше про всякую нечисть, которая появляется откуда-то с наступлением темноты, так что если тебе приходилось срочно выбежать на двор, то волей-неволей припоминались ее рассказы, и у тебя мурашки начинали по спине бегать, и волосы на голове подымались дыбом, и ты кидался назад в ярко освещенную кухню, так и не окончив начатого дела, и, конечно, вернувшись обратно в постель, продолжал думать и не мог уснуть, потому что знал, что все равно надо будет снова вставать, никуда от этого не денешься, и что на этот раз придется побить или подкупить кого-нибудь из братьев, чтобы он пошел с тобой за компанию.

– Темно-то как, а, Мико? – сказал он шепотом, чтобы не нарушать ночной тишины.

– Ага! – отозвался Мико. – Я тоже ни черта больше не вижу, а набрали мы очень мало. И еще эта девочка там наверху совсем одна. Пошел бы ты к ней пока, Туаки, а я бы встретил остальных.

– Да ты что, Мико! Чего это я пойду сидеть с девчонкой?

– Она ведь тебя не съест, – ответил Мико.

– Да, но знаешь... – сказал Туаки, почесывая бока локтями, – совестно мне как-то с ними.

– А чего совестно-то? – спросил удивленно Мико.

– Да не знаю, – ответил Туаки, – просто совестно, и все. Я только потею и слова сказать не могу.

Мико засмеялся.

– Ну ладно, Туаки, – сказал он, – ты иди вокруг, встречай их, а я к ней поднимусь.

– Только, Мико... – сказал Туаки.

– Ну что еще? – спросил Мико.

Туаки осекся. «В конце концов, – подумал он, – не скажешь же Мико, что в темноте боязно». Он вглядывался в мрак, окутывавший остров. Смутно виднелась только белая полоска пены там, где море набегало на берег. Подумать только: идти туда одному! Бр-р! Он глотнул.

– Хорошо, Мико, – сказал он, – я пойду.

– Ну вот и молодец! – сказал Мико. – А я поднимусь наверх и попробую разжечь костер.

И он пошел к причудливо вырисовывавшемуся на вершине холма дереву. Туаки стоял на месте до тех пор, пока не смолкли шаги в густой траве. Потом начал уговаривать себя: «Да ничего страшного здесь нет. Посмотреть вон на сторожей, ходят себе всю ночь напролет, кругом ни души, а ничего с ними никогда не случается». И он решительно затрусил в обход острова и почувствовал большое облегчение, услышав вскоре голоса; тогда он умерил шаг и подошел к мальчикам с таким видом, будто прогуливаться по острову ночью для него плевое дело.

Мико заметил девочку по белому платью. Он подошел и сбросил на траву охапку мокрых щепок.

– Ну, как ты тут одна, боялась? – спросил он.

– Немного, – созналась девочка, и в голосе ее послышалось облегчение. – Я боялась, что вы меня здесь бросили.

– Ну что ты, – сказал Мико, – мы бы такого не сделали.

– Этот рыжий на все способен, – возразила она.

– Теперь тебе придется кое-что нам пожертвовать, – сказал Мико.

– Что? – спросила она, и голос ее зазвенел.

– Тебе придется расстаться с парой страничек Джеймса Стивенса, – сказал он, – костер надо разжечь, а у меня бумаги нет. Тут под деревом есть немного сухой травы, и можно наломать веток.

Он встал во весь рост и, взявшись за ветку боярышника, потянул к себе.

– Нет, нет, – забеспокоилась она, – пожалуйста, не трогай дерево.

– Да почему? – спросил Мико.

– Это не простое дерево, – сказала она.

– Опять волшебницы? – спросил, смирившись, Мико.

– Все здесь говорят, что если его тронуть, то с тобой случится несчастье, – ответила она.

– Может, все-таки они на нас не рассердятся, если мы сломаем несколько веточек, – сказал Мико.

– Нет, не трогай его, – настаивала она, – у меня в книге есть одна или две чистые странички, сейчас я тебе дам.

И она нагнулась, чтобы вырвать их. В темноте Мико отчетливо представил себе, как ее тоненькие пальцы шарят в книге. Он снова встал на колени и протянул руку. Ее пальцы коснулись его руки, и он взял смятые странички.

Когда подошли остальные, костер уже пылал. У Мико на такие дела были золотые руки. В его набитых всякой всячиной карманах, среди рыболовных крючков, веревочек, медных монет и прочей ерунды, всегда хранились одна-две спички.

Что касается топлива для костра, то вклад Питера и Томми оказался до крайности ничтожным.

– Такая темень стоит, – сказал беспечно Питер, – надо иметь глаза, как у мухи, чтобы что-нибудь разглядеть при таком освещении.

– Слава Богу, ты, кажется, не очень надрывался и не портил себе зрение, – сказал Мико, – а то страшно подумать, что бы стало с миром, если б он лишился твоих глаз? С тем, что у нас есть, мы и десяти минут не протянем.

– Друг мой, – сказал Питер, вытаскивая из кармана отцовский рыболовный нож (это был всем ножам нож. Он мог выпотрошить любую рыбу и отрубить ей голову, в случае крайней необходимости мог выполнять роль остроги, а также открыть лимонад или, что еще существеннее, вытащить пробку из бутылки с пивом – необходимой принадлежности каждой рыбалки), – вот тебе дерево и вот тебе нож. – И он дотянулся до ветки и повис на ней.

– Нет, нет! – закричала девочка, вскакивая на ноги и протягивая к нему руки. – Не делай этого. Ты сам не знаешь, что может случиться.

– Да чего ты? – спросил Питер, и тут ветка обломилась с каким-то рыдающим звуком.

– Ну вот, добился! – воскликнула девочка.

– Чего? – поинтересовался Питер.

– Ужасного, – сказала девочка, – себя ты погубил, вот что!

– Послушайте, – обратился Питер к остальным. – Она что, не в себе?

– Вот увидишь, – сказала девочка.

При свете костра глаза ее казались огромными. Она все смотрела на него, как будто ждала, что его тут же поразит громом небесным (или адским – по усмотрению волшебниц).

– А, вот в чем дело! – сказал Питер, наступая на ветку. – Опять нечистая сила.

– Черт возьми, – испуганно проговорил Туаки, – может, не надо было тебе этого делать.

– Чепуха! – сказал Питер и с победоносным видом разломал ветку. – Нам нужен костер. Вот дерево, а ведьм святой Патрик изгнал из Ирландии вместе со змеями.

Он швырнул ветку в костер, и оказалось, что она великолепно горит. Время от времени она вспыхивала, и пламя жадно лизало тоненькие веточки, и шипы, и начинавшие уже краснеть ягоды.

– Вот видишь, – сказал ласково Мико девочке, – ничего и не случилось.

– Я знаю, что с ней такое, – сказал Питер, садясь на камень, – нездоровое увлечение «Кельтскими сумерками»¹⁵. Если она и дальше будет так витать в облаках, то погибнет, не дожив до семнадцати лет. Сколько тебе сейчас? – неожиданно спросил он.

– Не твое дело, – ответила она.

– Что бы нам пока придумать? – сказал Томми. – Про привидений, что ли, будем рассказывать?

– Ой, нет, не надо, – взмолился Туаки, пододвигаясь поближе к Мико, – я про них уже довольно от бабки наслушался.

– А почему бы тебе не почитать нам немного? – сказал Томми. – И время пройдет скорее, и мы отвлечемся от мыслей о том, что нас ждет дома.

– Что ж, я, пожалуй, почитаю, если только он будет молчать, – сказала она.

– Это я беру на себя, – проговорил Мико, подняв большущий кулак так, что на него упал свет от костра. – Вот я его чем успокою, если он только попробует разинуть пасть.

Питер рассмеялся:

– Ладно, я буду молчать. Ей-ей, буду.

Книга называлась «В стране юности». Она открыла ее и начала читать, и вскоре слушатели совсем притихли, а еще немного погодя девочка и сама начала запинаться и в конце концов тоже умолкла. И тогда вокруг них воцарилась тишина, нарушаемая только порывами ветра, от которого уже начал тяжело вздыхать океан, да ударами волн о скалы, раздававшимися все чаще, становившимися все громче. В ушах у них продолжали звучать ее слова о человеке, покачивающемся на виселице на вершине горы, и о том, как был найден ход в подземелье, и о юноше, ушедшем в страну неведомых людей, которые появлялись молчаливыми тенями из своего призрачного царства, погребенного в недрах земли, появлялись затем, чтобы разграбить мир. Все были подавлены. При создавшихся обстоятельствах трудно было выбрать более неудачный сюжет. Хладнокровный Мико и тот приуныл. По наивности он принял все за чистую монету. Здесь, в мерцающем свете костра, когда кругом плясали колеблющиеся тени, казалось, что все это проходит прямо у тебя на глазах. Нарушил молчание Томми.

– Лично я, – сказал он, – не люблю всех этих воспевателей эпохи заката кельтской культуры. Знаете, в чем тут было дело? По-моему, все эти господа, Йейтс и остальные, писавшие о духах и чародеях, Фионе Мак Кумэйле, Оссиане и фэнианах, о Дармэйде и Грэйни, о Дейрдре и Дерборгиль¹⁶ и прочих, – знаете, что это было такое?

¹⁵ «Кельтские сумерки» – сборник рассказов и эссе Уильяма Батлера Йейтса, основанных на фольклоре. В переносном смысле «кельтские сумерки» – время упадка национальной культуры Ирландии, поиски силы лишь в возрождении забытого наследия прошлого.

¹⁶ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – один из величайших поэтов Ирландии, в равной степени принадлежащий ирландской и английской литературе, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1923). Фион Мак Кумэйль (Финн Мак Кул) – легендарный герой Ирландии, глава рода фэнианов, жил в III в. Фион и его воины славились своей силой, отвагой и благородством. Оссиан – легендарный герой кельтского народного эпоса, по имени которого был назван целый цикл поэтических произведений, так называемых поэм Оссиана. Фэнианы – ратники древних королей Ирландии. Дармэйд и Грэйни – легендарные герои ирландского эпоса. Похищению воином Дармэйдом прекрасной Грэйни посвящена одна из лучших саг цикла

– Нет, – ответил Питер, – поделись с нами своим просвещенным мнением.

– Они хотели уйти от действительности, – сказал Томми поучительно. – Ничего они для страны не делали, а были всего только кучкой паразитов, вообразивших себя гениями, потому что витали где-то в облаках. Потому-то им и хотелось уйти в прошлое. Но этого им было мало – они хотели увлечь за собой и других неудачников. У меня это еще не совсем разработано, – добавил он, склонив голову набок и покусывая травинку.

– Да, хороши были, нечего сказать! – вздохнул Питер.

Все снова замолчали. Но на этот раз молчание уже не было таким тягостным.

Пока не появились крысы.

Откуда они взялись и куда потом ушли, навсегда останется тайной. По-видимому, они уже некоторое время плыли к языку пламени, мерцавшему на островке в Атлантическом океане и освещавшему дерево на холме, так что издали оно было похоже на маяк. Как бы то ни было, они появились. Тысячи, десятки тысяч крыс, легионы крыс, больших темных крыс с мокрой, прилипшей к длинным юрким телам шерстью. Их полчища подтянулись к островку, а потом, бесшумно ступая скользящими лапками, они двинулись вверх по склону холма к свету.

Тучи крыс в воде! Даже при дневном свете это зрелище казалось бы жутким. Интересно, что думали рыбы, когда эта неведомая туча проходила над ними? А что думали тюлени? Врывались ли они в самую толщу их и косили направо и налево или, может, недоверчиво отнеслись к столь непривычной пище? Кто знает? Они приплыли к островку и окружили его со всех сторон, а потом начали подбираться к костру. Зачем они появились? По чьему зову? Появлялись ли они и раньше, только никто их не видел?

Первым заметил их Мико.

Увидев множество поблескивавших где-то внизу, почти у самой земли, алмазов, он решил, что ему мерещится. Он даже зажмурился и потом снова открыл глаза – алмазы не исчезали. Они мерцали, передвигаясь с места на место, загорались то тут, то там. А потом раздался слабый писк, в поле зрения промелькнула крыса и скрылась по другую сторону костра.

– Что это такое? – спросил Питер.

Мико поднялся на ноги.

– Просто не знаю, – сказал он тихо. – Может, мне только померещилось, или ты тоже что-нибудь видел?

Остальные, почуяв тревогу в его голосе, вскочили на ноги, не спуская с него глаз. Мико почувствовал, как на затылке у него зашевелились волосы. Теперь пламя отражалось не только в алмазах – оно поблескивало на мокрых шкурках крыс, подкравшихся к ним.

Он стремительно нагнулся и, вытащив из костра горящую головешку, швырнул ее в сторону кипящей массы. Крысы, запищав, прыгнули в разные стороны.

– Вот же черт, Мико! – сказал Туаки, и голос его задрожал.

– Крысы! – сказал Мико. – Смотрите, ребята, их сотни, их прямо миллионы!

Он услышал за спиной шорох и обернулся. За деревом все пространство покрывала расплывчатая бурая пелена. Он снова нагнулся и подобрал еще одну головню, на этот раз поменьше. Головня жгла ему пальцы, и он чуть не закричал от боли. Он кинул ее в крыс, и опять они отступили.

– Полежай на дерево, Джозефин! – крикнул он. – Питер, подсади ее на дерево, ради Бога! Я не знаю, в чем дело, только этот остров полон крыс. Да оторвись ты от дерева, Томми! Пригни его! Подбрасывайте в костер! Туаки, ломай ветки!

Повинуясь его властному голосу, они вышли из оцепенения. Питер дотронулся до плеча девочки и почувствовал, что она дрожит.

– Не бойся! – сказал он. – Попробуй-ка дотянуться до ветки.

Девочка встала на цыпочки и нащупала рукой сук, а Питер нагнулся, подставив ей плечо, и затем с трудом приподнялся под ее тяжестью. Мгновение она сидела у него на плече, потом подтянулась и вскарабкалась наверх. Томми не шелохнулся. Он сидел под деревом, в глазах у него поблескивали слезы, нижняя губа отвисла. Туаки подпрыгнул и ухватился за низко растущую ветку. Шипы вонзились в ладонь, но все-таки ему удалось своим ничтожным весом пригнуть ветку книзу. Потом он попробовал отломать ее, но она не поддавалась.

– Не могу, Мико, не ломается.

Мико выхватил еще одну головню и запустил ею в крыс, потом сделал барьер из тлеющих углей у себя за спиной и повис на ветке Туаки. Она треснула. Он повернулся, ухватил ее и стал изо всех сил тянуть к себе, пока она не обломилась с пронзительным скрипом под его тяжестью. Потом он переломил ее еще раз через колено, не обращая внимания на острые шипы, и бросил в костер. Костер запылал. Ему пришлось пробраться к еще одной низко растущей ветке, которую он заметил с той стороны дерева, что была подальше от костра. Один момент Мико колебался. Потом пошел. Он почувствовал, как что-то зашевелилось под босой ногой, наступил крепче и услышал, как пискнула раздавленная крыса. По животу у него поползли мурашки. Он нагнулся, подобрал один из двенадцати камней причудливой формы и метнул его. Снова раздался писк и отвратительный хлюпающий звук. Он добрался до ветки и потянул ее к себе. Она с треском обломилась, и он, пятась, вернулся на свое место и бросил ее в костер. Питер и Туаки как одержимые хватали все, что под руку попадет, и, когда у Питера в руках оказался здоровенный сук, он нагнулся вперед и стал размахивать им, с омерзением прислушиваясь к начавшейся возне и писку. Все это время Томми сидел как изваяние.

– Ну-ка, – сказал Мико, улучив свободную минутку, – полезай ты на дерево, ради Бога!

Он нагнулся, обхватил совершенно одереvenевшего брата за ноги, приподнял, и Томми достаточно пришел в себя, чтобы ухватиться за ветку и влезть на дерево. Девочка оказалась рядом. Его горячая рука встретила ее холодную как лед руку и сжала ее. Трое оставшихся внизу раздобыли еще топлива, подложили его в костер, и пламя высоко взметнулось. Тогда Мико поднял Туаки и почти закинул его на дерево.

– Полезай, Питер, твоя очередь, – распорядился он.

Питер послушался, и тогда Мико, словно в припадке безумия, принялся швырять один за другим остальные камни, и снова поднялись возня и писк, и всего камней было одиннадцать, и на последнем он почувствовал, что сердце у него вот-вот разорвется, и тогда он повернулся и полез на дерево, и со всех сторон к нему протянулись руки и подхватили его.

Он посмотрел вниз. Костер ярко горел. Крысы окружили его кольцом. Мико смотрел и глазам своим не верил. Он все ждал, что сейчас услышит голос матери: «Это что еще за соня такая! Вставай поживей, в школу пора, а то получишь от Папаши палкой как следует!»

Там, куда падал свет от костра, видна была колышущаяся бурая масса тел, а иногда, когда две крысы вдруг сталкивались, вспыхивала белая полоска зубов, вонзаясь в чужой бок.

«Умирать буду, – сказал себе Мико, – а не поверю, что это и впрямь было».

Питер дотянулся до девочки, примостившейся на ветке у него над головой, и тихонько пожал ей ногу у щиколотки.

– Это все из-за меня, – прошептал он, – ты была права, не стоило трогать дерево.

– Нет, нет, что ты! – неистово зашептала она, зажимая себе рот рукой. Глаза у нее расширились, и лицо было бледное как бумага. – Ты тут ни при чем! Ты тут совсем ни при чем! Уверю тебя!

Со своего места на дереве Мико продолжал подкидывать ветки в костер. То же самое делали Питер и Туаки. Даже Томми вышел из столбняка настолько, что тоже мог время от времени обламывать веточки и кидать их в огонь. Мико к тому же собрал все толстые сучья, какие только мог срезать, обстрогал их на скорую руку и, перегнувшись вниз, сбивал толстым

концом тех крыс, которые обнаглели настолько, что, не побоявшись костра, пытались забраться на дерево.

Так тянулось целую вечность. А потом пошел дождь.

Сначала тихонько, как будто кто-то зашуршал бумажным пакетом, затем стали падать крупные капли. Боярышник прелестен весной, когда он весь в цвету, но всем известно, что под ним не укроешься от ветра и непогоды. Скоро они промокли до нитки. Вода стекала по волосам за шиворот.

Но дождь причинил и более серьезные неприятности: он начал тушить костер.

«Ну, кажется, дождались, – подумал Мико, крепче вцепившись в свою дубинку. – Когда костер погаснет, мы будем в темноте».

И вот пламя вспыхнуло в последний раз и исчезло.

Но с ним исчезли и крысы.

Они ушли так же бесшумно, как появились. Были – и не стало. Мико просто поверить этому не мог. Он прислушивался и не слышал шорохов. Он прислушивался и не слышал писка. Остальные тоже слушали.

Надо было собрать всю свою храбрость, чтобы спуститься с дерева, но Мико все же спустился. Он нащупывал ногой землю, а у самого внутри все сжалось в ожидании, что в ногу вот-вот алчно вонзятся белые зубы. Ноги его ступили на траву, и он пошарил ими вокруг и подождал – там ничего подозрительного не было, и он сделал два шага вперед.

Остальные затаив дыхание прильнули к дереву и прислушивались к каждому его движению. Он прошел дальше, нащупывая ногами землю и так вцепившись в палку, что сухожилия на руках чуть не лопались. Сделал шаг. Прислушался. Никакой возни, никаких звуков, кроме плеска волн да бормотанья дождя. Он дошел до берега, и вернулся обратно, и, чтобы рассеять все сомнения, снова поднялся на холм и спустился к противоположному берегу. Но вокруг не было никого.

Они слезли с дерева и пробрались к дамбе. В темноте можно было различить только мокрые камни, да и то не больше чем на ярд впереди.

Они прошли дамбу. Питер не выпускал руки девочки. Мико шел впереди, а за ним, вцепившись в его фуфайку, шел Туаки. А Томми держался за Туаки, а девочка за Томми, и за руку ее держал Питер. И таким образом они добрались до берега и, придя туда, сели на мокрую траву и положили усталые головы на руки. И кто-то заплакал. Это был Томми. Самые настоящие слезы катились у него из глаз, и слышно было что-то похожее на рыдания.

– О Господи, – все повторял он, – какой ужас, какой ужас! Никогда этого не забуду.

Мико подошел, и опустился рядом с ним на колено, и положил большую руку ему на плечо, и поглаживал его.

– Ну полно, Томми, все прошло. Скоро мы будем дома.

И они повернули на запад и оставили позади остров, который теперь никто из них больше никогда не увидит, но и ее забудет никогда. А чуть позади острова в небе появилась бледная полоска приближающегося дождливого рассвета, и на ее фоне выступил причудливый искривленный силуэт поруганного дерева, которое, казалось, грозило им вслед кулаком.

Глава 5

Уже совсем рассвело, когда они остановились возле большого моста, ведущего в город. Здесь пути их расходились в разные стороны.

Уличные фонари еще горели, и ветер гнал косой дождь. В тусклом свете занявшейся зари вид у них был очень жалкий. Волосы у девочки слиплись и мокрыми прядями свисали по обе стороны лица. От этого глаза стали очень яркими. Побледневшее, усталое личико с широкими скулами казалось вырезанным из слоновой кости.

«Экие глаза у нее большие, и голову еще опустила, прямо Мадонна, да и только», – подумал Мико, вспомнив литографию, висевшую дома над очагом.

У Питера волосы намокли и потемнели, но лицо у него было оживленное и на щеках горел румянец.

«Кажется, ему все это очень понравилось, – рассуждал Мико. – Питера вообще радует все, что бы с ним ни приключилось; может, поэтому-то его так и любят». Маленький Туаки был похож то ли на мокрую крысу, то ли на потерявшегося щенка.

– Пошли, пожалуй, – сказал Мико наконец. – Что мы дома-то скажем?

Тут все призадумались.

– Про крыс, во всяком случае, рассказывать нечего, – сказал Питер. – Это уж слишком фантастично. Меня в школе не раз били и за более правдоподобные отговорки.

– У тебя хоть бы все обошлось, – сказал Мико девочке.

– У меня-то обойдется, – устало ответила она. – Мои родители вряд ли беспокоятся. У меня есть тетка, Джулия ее зовут. Она живет неподалеку от острова. Я пила у нее чай перед тем, как пойти туда. Они, наверно, думают, что я осталась у нее ночевать из-за дождя.

– Ну, спокойной ночи, – сказал Мико, – ни пуха тебе, ни пера.

– Спокойной ночи, – ответила девочка, – и спасибо тебе. Ты вел себя очень храбро.

Питер с девочкой смотрели им вслед, пока они не скрылись за поворотом длинной улицы, и только тогда свернули к ее дому. Чтобы проводить ее, ему пришлось сделать небольшой крюк, но он ничего против этого не имел. Они не разговаривали. Да и говорить сейчас было, собственно, не о чем. Уж очень все это было странно. Наконец она остановилась у калитки своего дома и протянула мокрую руку. Он пожал ее, заметив при этом, что рука у нее очень мягкая.

– Ты... ты... ты извини меня, что я вначале нагрубил тебе, – сказал он.

– Ничего, – ответила она. – Я же понимаю, что вы были очень недовольны, когда увидели, что на острове девчонка. Мне ведь тоже было неприятно, когда вы пришли.

– Ну, спокойной ночи, – сказал он. – Надеюсь, тебе дома поверят.

– О, в этом можешь не сомневаться, – сказала она несколько свысока. – У меня вполне благоразумные родители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.